

"Брак по-сицилийски"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кэрол Мортимер

Брак по-сицилийски

Пролог

Все пропало.

Все ушло, все пропало.

Деньги давно истрачены. За последний год ушла лондонская квартира, вилла на юге Франции, красный «феррари». Все закрутилось на колесе рулетки.

Болезнь. Он и сам это понимал. Старался справиться, но средства борьбы с этой жуткой зависимостью для него не нашлось.

Вечером произошло ужасное. Самая страшная потеря за все это кошмарное время. Он всегда клялся себе, что никогда не пустит это в игру. А теперь! Во что он вверг свою семью...

О боже!..

Руки сжимали руль арендованного автомобиля — денег на покупку собственного уже не было. Он механически следовал по изгибам горной дороги, ведущей из Монте-Карло на Лазурный берег. Далеко внизу призывно голубело Средиземное море. Знал, что, несмотря на всю внутреннюю борьбу, на все свои усилия, он вечером поедет по этой же дороге обратно. И, как всегда, начнется неудержимый азарт и невыносимая дрожь, и он опять окажется, как и каждый вечер, у игорного стола.

Как посмотреть в глаза отцу и Робин, как сказать им, что произошло, что он натворил? Как объяснить свое предательство?

Невозможно.

Он не в состоянии.

После всего позора и бесчестья, которые он навлек на них, еще и это.

Нет, я не могу!

А море внизу манит...

А если не повернуть руль на следующем крутом вираже? Может, это и есть единственный рецепт лечения болезни, которая целиком захватила его, как лихорадка, и снова заставляет возвращаться к Госпоже Удаче.

К Госпоже, давно покинувшей его...

Все.

Все кончено.

Мечты и надежды — они ничего не стоят теперь, когда Пьер сказал, что никогда не любил ее. Никогда и не думал оставлять ради нее жену.

Год назад она поверила ему, поверила его словам, поверила, что он ее любит. Ну и пусть он женат, она хотела быть с ним, быть любимой им, любить его.

Она твердо верила, что рождение сына все решит, он уйдет к ней и к своему сыну. Но нет. Он трусливо рассказал жене об их отношениях, чтобы вымолить ее прощение и ничего не менять в жизни — остаться с женой.

Бедный мой малютка.

Мой Марко.

Она навлекла на свою семью стыд и позор, произведя его на свет. И ради чего? Пьер не любит ее. Вчера вечером, когда она, лежа в его объятиях после любовных утех, попросила его уйти от жены к ней и к их маленькому сыну, он сказал ей страшную правду: он никогда не любил ее, она была для него лишь очередным приключением, строчкой в длинном списке побед.

Слезы текли по ее лицу, когда она ехала по горной дороге в Монте-Карло, в отель, принадлежащий их семье. К своему ребенку. К маленькому, прекрасному ребенку, у которого нет отца.

Ему будет лучше без меня!

У нее не осталось сердца. Оно разбито. И это навсегда.

Если ее не станет, ее брат Чезаре позаботится о Марко, защитит малютку от бесчестья, связанного с самим его появлением на свет, будет любить и беречь его, как собственного ребенка, не позволит никому и ничему ранить малыша.

Сможет она сделать это? Покончить со всем сейчас?

С болью от ухода Пьера?

Ложь Пьера привела ее в отчаяние.

И жуткое предательство любви, которую она считала красивой, совершенной...

Да, я сумею.

Она взглянула вниз, где, как драгоценный камень, блестело Средиземное море. Так соблазнительно блестело...

Да, я сумею. Подъеду к краю обрыва, и конец этой страшной боли. Навсегда...

Встречный автомобиль появился неожиданно. Он успел только понять, что второй водитель, как и он, не пытался избежать столкновения. Колеса столкнулись, скрежет металла, и...

И еще он успел заметить молодое красивое женское лицо, глядящее на него страдальческими темными глазами. В следующее мгновение обе машины летели вниз, к морю...

Глава первая

— Кто эта женщина с Чарлзом Ингрэмом, вы не знаете? — решительно спросил Чезаре.

— Простите? — переспросил Питер Шелдон.

Встретившись на благотворительном вечере, они обсуждали совместные дела. Чезаре отвлекся от этого обсуждения, увидев ослепительно красивую женщину, стоявшую рядом с его злейшим врагом, Чарлзом Ингрэмом.

— Я спрашиваю, кто эта красавица с Чарлзом Ингрэмом? — повторил он свой вопрос, неотрывно глядя на эту пару.

Странная пара. Чарлзу Ингрэму было под шестьдесят. Седой мужчина с все еще красивым лицом. Его спутница, молодая, высокая, стройная, заметно выделялась даже в этом обществе, где было много красивых, очень элегантных людей.

Ее волосы цвета меда свободно падали на спину, глаза глубокого синего цвета, скорее удивительного сиреневого — даже на большом расстоянии Чезаре поразил этот оттенок — лучились, когда она улыбалась тому, что говорил ей Чарлз Ингрэм. Изящной формы удлиненная шея, дивная кожа, красивые изгибы тела, угадывающиеся под простым белым платьем.

Тонкая рука девушки спокойно лежала на руке ее спутника. Такие руки могут довести любого мужчину до безумия. Чезаре отметил про себя, что ему очень неприятна атмосфера некоторой интимности и обособленности, заметная в общении этой пары, несмотря на явную разницу в возрасте.

— Хороша, правда? — пробормотал Питер Шелдон. — Прекрасна, но неприступна.

— У Ингрэма исключительные права? — Чезаре сжал зубы при мысли о том, что такая красота растрачивается на Чарлза Ингрэма.

— Вовсе нет. Леди, которой вы интересуетесь, — Робин Ингрэм, дочь Чарлза.

Чезаре несколько секунд смотрел на Питера.

Робин Ингрэм.

Дочь Чарлза Ингрэма?

Вовсе не любовница, как успел вообразить Чезаре. А он уже решил увести красавицу у престарелого любовника, поймав на себе ее заинтересованный взгляд.

Последние три месяца Чезаре собирал информацию о своем враге. Все, включая размер рубашки Ингрэма.

Конечно, ему было известно о втором ребенке Ингрэма. Но он полагал — как выяснилось, ошибочно, — что Робин — младший сын Чарлза.

— Я думал, Робин — мужское имя, — удивился Чезаре. Его английский был безупречен, как и его родной итальянский, французский, немецкий и испанский.

— Пожалуй, — ответил Питер, — но это имя может быть использовано и для противоположного пола.

Итак, второй ребенок Чарлза Ингрэма — Робин — женщина... Прекрасная, сексуальная, соблазнительная женщина.

Что же, это меняло планы мести Чезаре семейству Ингрэм...

— Пап, ты знаешь, кто этот человек? Нет, нет, не смотри. Вон там, темноглазый, по виду иностранец.

— Темноглазый, красивый, смуглый? — поддразнивая, переспросил ее отец.

— Ну... да. Но я не поэтому обратила на него внимание.

— Нет? — улыбнулся отец.

— Он уже минут десять смотрит на меня не отрываясь.

— И я тоже с удовольствием смотрел бы на тебя не отрываясь, не будь ты Моя дочь. Ты очень хороша сегодня, особенно хороша. Рад, что ты уговорила меня прийти сюда. Ты права. Нельзя же прятаться от всех, потому что они могут упомянуть о Симоне.

Робин оторвала взгляд от неотрывно смотревшего на нее человека в противоположном конце переполненного людьми шумного зала и внимательно посмотрела на отца. Недавно пережитое горе оставило глубокие следы на его лице.

Три месяца назад разбился в автомобиле Симон — брат Робин. Это несчастье разделило жизнь отца и дочери на две части.

Если им и удастся когда-либо свыкнуться с этой потерей, то очень нескоро. Но Робин все же сумела уговорить отца пойти с ней на этот благотворительный вечер, понимая, что им пора возвращаться к жизни. И Симон хотел бы этого.

— Давай постараемся отвлечься, поговорим об этом темноглазом незнакомце. Который? — Чарлз очень старался говорить легко и шутливо. Он обвел глазами переполненный зал. Каждый участник этого благотворительного мероприятия вносил по пять тысяч долларов.

— Ты сразу поймешь. Высокий. Очень высокий, — объяснила она, отметив про себя, что незнакомец выше большинства присутствующих, — ему под сорок, темные волосы, довольно длинные. Он стоит рядом с Питером Шелдоном. Пап, что такое? — она почувствовала, как отец напрягся.

— Держись подальше от этого человека, прошу тебя, Робин! — неожиданно горячо воскликнул Чарлз и подвинулся так, словно хотел прикрыть ее.

— Кто это? — удивилась Робин.

— Чезаре Гамбрелли.

Гамбрелли... Звучало почему-то знакомо. Только имя. Этого человека она видела впервые, иначе она бы помнила его.

— Скорее всего, итальянец. Невероятно богат. Он владеет, в том числе, сетью отелей Гамбрелли.

Вот почему имя звучит знакомо. Все знают роскошные отели Гамбрелли, в некоторых Робин случалось останавливаться. Они находятся во всех столицах мира. И есть еще медиа-консорциум, аудио- и киностудии, авиакомпания Гамбрелли...

Значит, человек, который не сводит с нее глаз, владеет всем этим?..

Но это не может объяснить явную антипатию отца к нему.

— Я не понимаю, что... Ох, не смотри туда, пап, похоже, он направляется сюда! — тихо сказала Робин.

— Чарлз, — бесстрастно приветствовал старшего Ингрэма подошедший Чезаре, не протягивая ему руку для пожатия и глядя на Робин прищуренными глазами. — Это и есть ваша красавица дочь?

— Да, это Робин, — Чарлз Ингрэм был явно обескуражен этим неожиданным появлением. — Мне странно видеть вас на благотворительном мероприятии, Гамбрелли.

Чезаре медленно перевел глаза с Робин, которую он внимательно рассматривал, не скрывая своего восхищения, на ее отца.

— Считаете, что я неспособен на благотворительность, Чарлз?

Робин видела отношение отца к этому человеку. И сама она, пробыв в компании Чезаре всего несколько минут, поняла — он очень опасен.

Высокий, темноволосый, красивый хищник!

Таких красивых мужчин ей до сих пор не случалось видеть. Глаза столь темные, что кажутся черными, римский нос, скульптурный рот, отражающий несгибаемость характера, волосы цвета эбенового дерева, зачесанные назад и свободно лежащие на воротнике белой вечерней рубашки. Широкие мускулистые плечи, гибкое, мощное тело.

Он откровенно разглядывал ее, пристально и беззастенчиво изучая линии ее лица. Затем взгляд перешел ниже, на ложбинку в вырезе простого белого платья, которое, не слишком облекая, подчеркивало изящество ее фигуры. От этого взгляда щеки Робин зарделись, дыхание ее участилось. Явно не потому, что она испытывала смущение или неловкость в присутствии этого человека. Его взгляд определенно обладал сексуальной силой, она ощутила, как напряглось все тело, отвердели соски.

— Все нет, — неторопливо ответил отец. — Но этот обед устроен британским благотворительным обществом, а благотворительность, как известно, начинается дома, в своей стране.

Губы скульптурного рта Чезаре немного сжались.

— Да, такая поговорка существует. Знаете, вы заблуждаетесь относительно моей национальности, Чарлз. Я сицилиец, не итальянец, — произнес он очень мягко.

Робин видела — звуки этого вкрадчивого голоса усиливают напряжение отца. Что происходит? Эти двое обмениваются простыми фразами, но, видимо, в этом разговоре есть скрытый смысл, и они говорят вовсе не о благотворительном обеде, а о чем-то значительно более важном и глубоком...

— Я ошибся, — пробормотал отец.

Ошибся, и еще как, очень серьезная ошибка — сицилиец это не итальянец. Сицилийцы не

прощают. Чезаре не простит семью Ингрэм, отнявшую у него сестру, отнявшую мать у Марко.

— Как вам этот вечер, мисс Ингрэм? — Чезаре подчеркнуто переключил внимание на Робин.

Он заметил, как отвердели ее соски под мягкой тканью платья, как неровно дыхание, понял — она чувствует сложность в отношениях между ним и ее отцом и, наконец, что она сексуально реагирует на него, Чезаре.

Прекрасно, подумал мужчина с удовлетворением.

Он не вполне сформировал свои планы, но ясно, что их объектом станет не Чарлз Ингрэм. Робин Ингрэм доставит Чезаре массу удовольствий в процессе мести.

— Спасибо, прекрасный вечер, — ответила Робин, прикрывая свои синие глаза длинными ресницами.

Скромно. Застенчиво. Почти стыдливо. Но Чезаре понимал — все это имеет мало отношения к облику Робин. Питер Шелдон рассказал кое-что о ней.

Ей двадцать семь — она на десять лет моложе Чезаре. Три года она была замужем за кавалером высшего английского ордена — вот так, и не меньше, — но в этом браке не родилось детей. Год назад, после развода, Робин вернула себе фамилию отца и с тех пор не выказывала желания еще раз вступить в брак или даже завести роман. Поэтому о ней говорили: «Неприступная красавица».

Достаточно для любого здорового самоуверенного мужчины. И более чем достаточно для Чезаре, с его жадной мести.

— Мой друг, Питер Шелдон, сказал мне, что вы участвовали в организации сегодняшнего вечера. Я поздравляю вас с успехом, — галантно склонил голову Чезаре.

— Спасибо. Но мы еще не ужинали, возможно, ваши поздравления преждевременны.

Чезаре продолжал оценивающе разглядывать ее. Его немного раздражало, что она уже была замужем и разведена, хотя трудно было рассчитывать, что она сохранила бы девственность до двадцати семи лет. Тем не менее ему очень хотелось знать, кто стал инициатором развода и по какой причине...

— К сожалению, я не смогу остаться на ужин, — вежливо сказал он, радуясь в душе тени разочарования, мелькнувшей на ее лице. — Есть... ммм... личные обстоятельства, которые требуют моего присутствия в другом месте.

— Вот как. — Жаль, что ей не удалось полностью скрыть разочарование.

Чезаре улыбнулся в ответ:

— Надеюсь, остаток вечера пройдет успешно.

— И я надеюсь. — Робин раздражало, что у Чезаре нашлись *личные обстоятельства*, которые требуют его присутствия в другом месте.

И совсем не трудно было вообразить, каковы его *личные обстоятельства*.

Но это никак не должно се интересоваться, с кем и где он собирается провести время.

Ведь не должно?..

Со времени развода у Робин не появлялось ни малейшего желания встречаться с мужчинами, и вдруг она испытала несомненное сексуальное возбуждение от одного только вида этого человека. Тут нельзя ошибиться — реагировало ее тело. Реагировало на присутствие Чезаре Гамбрелли.

Человека, от которого отец просил ее держаться подальше...

— Нам пора в банкетный зал, — сказала Робин, заметив с облегчением, что присутствующие направились туда. — Было приятно познакомиться с вами, — закончила она скорее из вежливости, чем искренне.

Этот человек лишал ее уверенности. Его смуглая красота лишала ее самообладания. Его манера пристально разглядывать ее своими блестящими глазами лишала ее воли.

Очевидная осторожность отца, богатого и успешного бизнесмена, в общении с Чезаре Гамбрелли совсем уж сбивала ее с толку.

— Было приятно познакомиться? — сухо переспросил Чезаре, по-прежнему пристально глядя на нее. — Что ж, в таком случае уверяю вас, мы еще увидимся, Робин. *Скоро.*

Робин с трудом сглотнула, ощутив бешеное биение пульса в основании шеи.

Ее состояние не ускользнуло от глаз Чезаре. Вновь взглянув ей прямо в глаза, он тихо добавил:

— Очень скоро.

И, поклонившись Чарлзу Ингрэму, он пошел к выходу.

— Прошу тебя, держись от него как можно дальше, — возбужденно повторил ее отец, бледнея.

— Но почему?

— Просто верь мне, Робин, и, пожалуйста, держись от него подальше, повторю снова и снова. Этот человек опасен, очень опасен.

Робин думала то же самое всего лишь несколько минут назад!

И сильное сексуальное желание, возникшее у нее только оттого, что Чезаре был рядом, лишь укрепило ее в мысли, что лучше избегать общения с ним.

В то же время она была почти уверена — Чезаре Гамбрелли намерен выполнить свое обещание.

Глава вторая

— Спасибо, что вы приняли меня, мисс Ингрэм, — почти прошептал Чезаре Гамбрелли.

Дворецкий проводил его в гостиную лондонского дома отца Робин.

Был ли у Робин выбор? Могла ли она отказаться от этой встречи?

Похоже, пет!

Он приехал в дом Ингрэма, и ему сказали, что Чарлз уехал, но Робин дома. Услышав это, Чезаре Гамбрелли попросил разрешения повидать ее.

Было бы просто невежливо, как-то по-детски глупо, даже грубо не принять человека, которому известно, что она дома. Робин просто пришлось проигнорировать настоятельные предупреждения отца, хотя Чарлз так и не объяснил причину своих опасений.

Чезаре выглядел так же самоуверенно, даже заносчиво, как и неделю назад, при их знакомстве.

В тот раз он сказал — скорее обещал, — что они вскоре увидятся, и Робин была уверена — это случится. Но она не могла знать, где и когда. И конечно, не могла предполагать, что он явится в лондонский дом ее отца, где она жила после развода.

Робин предложила гостю сесть. Ей хотелось ослабить свое нервное напряжение, возникшее в его присутствии. Казалось, комната стала теснее. Но даже когда он сел, ничего не изменилось. Она по-прежнему физически ощущала его — начинали пылать щеки, твердели соски.

Возможно, из-за его взгляда, который неспешно снимал с нее одежду, обнажая изгибы тела.

Во всяком случае, этот человек возбуждал ее так же, как и неделю назад: она почти физически чувствовала его руки и губы на своем теле.

— Чем могу быть вам полезна, мистер Гамбрелли? — Робин удалось произнести эти слова без дрожи в голосе.

Очень и очень многим, подумал Чезаре.

Эта женщина невероятно, потрясающе красива. Ее тело может доставить мужчине невыносимое удовольствие. Она способна свести с ума.

Но не его, Чезаре, конечно. Все отношения с ней будут развиваться согласно его желаниям, его планам, под его контролем.

— Может, начнем с того, что вы станете называть меня Чезаре? — мягко сказал он, отметив, что она покраснела еще сильнее.

Это не девичье смущение, ей двадцать семь, она была замужем и разведена, это, конечно, не то! Румянец — свидетельство сексуального возбуждения. И глаза блестят, становятся почти фиолетовыми.

И грудь под блузкой и бюстгалтером напряглась — Чезаре это видел.

Она сидит выпрямившись, скромно и пристойно, сложив руки на коленях. Но ее поза вызвана не соблюдением приличий, она пытается не показать своего сексуального желания.

Робин Ингрэм, неприступная Робин Ингрэм, не может скрыть, как страстно, сильно она хочет его, Чезаре Гамбрелли.

Вот ужас, думала Робин. Что же творит ее тело при одном взгляде на этого человека?

Черт возьми, а если он вдруг вздумает скинуть одежду со своего смуглого, мускулистого тела и предстанет перед ней во всем своем нагом великолепии, у нее, наверное, случится оргазм,

прямо здесь, прямо сейчас!

— Хорошо... Чезаре, — напряженно начала она, заставляя себя не избегать его взгляда, — думаю, вы хотели видеть моего отца?

— Нет. Именно вас, — спокойно ответил он.

— Вы же спрашивали отца?

— Я знал, что его нет.

Робин смотрела на Чезаре, напряженно соображая: если он знал, что отца нет, зачем спрашивал?

— Не понимаю, — наконец покачала она головой.

— Уверяю вас, очень скоро поймете.

В его голосе она услышала угрозу, по спине пробежал холодок.

Резко встав, с порозовевшими — сейчас от гнева — щеками Робин сказала:

— Не знаю, какую игру вы затеяли, мистер Гамбрелли, но хочу уверить...

— Никакой игры, Робин. Сядьте, — он насмешливо смотрел на нее.

— Как вы смеете!

— Сядьте, Робин.

— Должна напомнить вам, что вы гость в этом доме, мистер Гамбрелли, незваный гость. И я не подчиняюсь приказам.

— Сядьте и успокойтесь. Нам нужно поговорить. Вернее, я буду говорить, а вы слушать. И, когда вечером ваш отец вернется домой, вы сообщите ему, что выходите за меня замуж.

— Вы!.. Вы!.. Нет и нет! Вы принимаете наркотики, мистер Гамбрелли? Вызвать доктора?

— Я ничего не принимаю, — с ледяной холодностью сказал Чезаре. — И я не безумен, — добавил он, видя, как она на него смотрит.

Ее сексуальное возбуждение пропало, как он с удивлением отметил.

Но это не важно. У него будет масса времени, когда они поженятся. Целая жизнь. Он успеет насладиться этим роскошным женским телом.

Когда она станет моей женой...

Прошедшую неделю он собирал все сведения о Робин Ингрэм, в недавнем прошлом миссис Робин Бенет. Он знал теперь о ней все, вплоть до размера бюстгальтера и других вещей, которые она предпочла бы, чтобы никто не знал.

У него сжимались губы, когда он думал о ее неудачном браке и о неизвестной причине, по которой этот брак распался. Конечно, эта причина не имела ничего общего с

несовместимостью, которая была указана в документах о разводе.

Да. Многое изменится для Робин, когда она станет его женой. Прежде всего, она станет матерью для Марко. Но это не все. Она родит ему нескольких детей — сыновей и дочерей. Красивая, совершенная, ускользающая мисс Ингрэм, став миссис Чезаре Гамбрелли, на протяжении многих лет будет беременной! Беременной и кормящей. И только!

Достойная месть. Месть за то, что брат этой женщины отнял жизнь его любимой сестры Карлы, лишив Марко матери.

Робин, скорее всего, думает иначе, но это не важно.

У него есть способы принудить ее, сломить, подчинить своей воле. Судя по негодованию на ее лице, ему придется к этому прибегнуть.

И опять-таки это не важно. Робин станет его женой и матерью Марко, хочет она того или нет.

— Сядьте, пока не упали в обморок, — скомандовал он.

Неужели видно, что я так боюсь этого Чезаре?

Да, конечно, это и понятно.

Какая женщина сможет справиться с волнением в подобной ситуации? Едва знакомый мужчина является в ее дом и объявляет ей, что она *должна* стать его женой.

— Я лучше постою, благодарю вас, — с достоинством произнесла Робин. — Немедленно уходите, — твердо добавила она. — У вас, очевидно, какие-то иллюзии, что я мечтаю выйти за вас замуж, и...

— У меня нет никаких иллюзий относительно вас, Робин. Вы избалованная, изнеженная, привыкшая, чтобы вам потакали, дочь человека, который не имеет абсолютно никакого влияния на своих детей.

— Уйдите, пожалуйста, — резко прервала его Робин.

— И вы сестра человека, который виновен в гибели *моей* младшей сестры! — жестко продолжал Чезаре Гамбрелли, словно она и не прерывала его.

Робин напряженно смотрела на него.

Гамбрелли...

Неделю назад ей показалось знакомым это имя, но отец объяснил, что он мультимиллионер — оттого имя у всех на слуху.

Теперь она вспомнила.

Теперь она знала!

Когда три месяца назад ее брат Симон разбился в горах в Монако, его автомобиль столкнулся с машиной молодой женщины. Она тоже погибла. Ее звали Карла Гамбрелли.

Сестра Чезаре Гамбрелли?..

Это было страшное время для них всех. Но когда ее отец немного пришел в себя, он отправил семье Карлы Гамбрелли письмо с соболезнованиями.

Значит, Чезаре Гамбрелли?..

Она потрясла головой.

— Мой отец писал вам, что мы соболезнуем, как, наверняка, и вы нам в связи с потерей моего брата...

— Мне не нужны ваши извинения! Они не вернут сестру, — вскричал Чезаре, вскочив и снова наполнив собой комнату.

— И моего брата Симона, — тихо напомнила она.

Отец не говорил, получил ли он ответ на отправленные соболезнования. Судя по происходящему — нет.

Чезаре горько усмехнулся:

— Ваш брат был игрок, никчемный человек. Человек без чести. Он ни для кого не потеря. А...

— Как вы можете так говорить? — задыхнулась Робин.

— Это правда, потому и говорю. Ваш брат проиграл все. Он позор семьи...

— Это решать нам с отцом, — оборвала его Робин. — Послушайте, мистер Гамбрелли, я очень, очень сочувствую вашему горю, мне оно близко. Ваша сестра и мой брат столкнулись на серпантине горной дороги. Никто не знает, кто из них виновен. Вы же не можете всерьез обвинять Симона в смерти вашей сестры...

— Могу и буду! — свирепо уверил он.

Они так долго были вдвоем — Чезаре и Карла. Их мать умерла при рождении Карлы, Чезаре тогда было одиннадцать. Воспитание сестры почти полностью легло на его плечи, потому что, потеряв жену, отец начал пить. В конце концов, это убило его, когда Чезаре было двадцать два, а Карле одиннадцать лет.

Чезаре любил сестру глубоко и преданно, заботился о ней, защищал, и какой-то Симон Ингрэм, пустой, бессмысленный человек, убил ее!

— Ваш брат перед несчастьем весь вечер провел в казино. Много людей видело, что он был огорчен своим проигрышем, что у него было драчливое, агрессивное настроение, что он пытался подраться с одним из крупье перед уходом. А Карла в этот вечер обедала с друзьями в Ницце, была весела и счастлива. Я говорил с Пьером и Чериз Дюпон, они подтвердили — она уезжала в прекрасном настроении. Моя сестра была аккуратным и опытным водителем. И теперь скажите, Робин, кто из них двоих наиболее вероятный виновник этого несчастного случая? — закончил он.

Робин Ингрэм выглядела в этот момент еще красивей — с бледным лицом, с огромными синими, скорее фиолетовыми глазами, с дрожащими пухлыми губами. Она покачала головой:

— В полицейском отчете ничего не было о причине несчастья.

— Я знаю, что было в полицейском отчете. Я спрашиваю, как вы думаете, кто виноват.

Робин отвела глаза, чтобы не встречаться с его обвиняющим взглядом, не находя, что сказать.

Они с отцом знали о губительной страсти Симона. О том, что он становился агрессивным и злым, когда проигрывал. А проигрывал он чаще всего.

Но этот человек предполагает...

Да нет, он не предполагает, он утверждает, что Симон повинен в смерти его сестры Карлы.

Но это не объясняет, каким образом из этих обвинений следует, что она, Робин, должна выйти за него замуж.

Выпрямившись, Робин посмотрела в гневные глаза Чезаре:

— Этот несчастный случай был страшной трагедией для обеих наших семей, мистер Гамбрелли. Мне трудно поверить, что кто-либо из нас начнет выдвигать какие-то обвинения, как будто это сможет помочь. Это не вернет к жизни ни моего брата, ни вашу сестру.

— Ни Марко — его мать, — добавил Чезаре.

Робин пришла в замешательство. Несколько минут назад этот разговор казался ей сюрреалистическим, но сейчас она просто потеряла нить.

— Марко?..

Чезаре насмешливо скривил рот:

— Делаете вид, что не знаете?

— Не знаю чего? — растерянно повторила она.

— Что Карла — мать маленького ребенка, которому в момент ее смерти было три месяца.

Робин почувствовала дрожь в ногах, к горлу подкатывала тошнота.

Карла Гамбрелли была матерью, когда она так безвременно погибла?

Ее смерть оставила сиротой трехмесячного ребенка?

Робин с трудом сглотнула, стараясь подавить тошноту. Потеря Симона — страшное горе, им с отцом безумно трудно пережить эту трагедию, неизвестно, когда они придут в себя. Но тяжесть утраты, выпавшей на долю Чезаре Гамбрелли, была неизмеримо тяжелей.

— Где этот ребенок, ваш племянник, сейчас? — осторожно спросила она.

Чезаре надменно взглянул на нее. Явное смятение Робин от новых для нее сведений несколько не смягчило его.

— Марко со мной, конечно, — ответил он.

— Но... А отец ребенка?

— У него нет отца.

Отец, конечно же, есть. Не может не быть отца! Даже если, как это следует из поведения Чезаре, отец отказывается признать своего сына.

А такое поведение, учитывая, что брат Карлы — Чезаре Гамбрелли, очень смело... или очень глупо со стороны этого отца.

— У Марко нет никого, кроме меня. Поэтому он мой приемный сын. Но мальчику нужна мать.

Боже, так вот в чем дело. Неужели Марко — причина, по которой Чезаре хочет жениться на мне? Я должна заменить малышу мать, ведь Чезаре считает, что брат Робин лишил Марко родной матери?

Но это же чудовищно!

Безумие.

Чезаре Гамбрелли не может серьезно думать, что я...

Может, поняла Робин, увидев непреклонное выражение его лица.

Она покачала головой:

— Простите, я не знала. Но все равно, ваше предложение мне выйти за вас замуж абсурдно.

— Это не *предложение*, Робин. Это декларация о намерениях. Вы станете моей женой так быстро, как позволит формальное оформление.

— Вы не можете принудить меня, мистер Гамбрелли.

— Мы ведь договорились, что вы станете называть меня Чезаре, — напомнил он.

— Вы так сказали, — возразила она. — И ничто не заставит меня выйти за вас замуж.

— Нет? Я думаю, заставит, Робин.

Первоначально задуманный Чезаре план мести семейству Ингрэм не включал женитьбу. Но, встретив Робин неделю назад, он понял — это куда более практичное решение. У Марко появится мать, что несравнимо лучше няни, как сейчас. Новая мать Марко, будучи женой Чезаре, обеспечит и емумного приятных развлечений.

Развлечений, против которых сама Робин Ингрэм некоторое время назад явно была не против...

— Послушайте, Робин. Ведь оказаться со мной в постели... вполне приятно, правда?

Оказаться с ним в постели?

Робин была в панике, мысли ее путались.

Несколько минут назад ей достаточно было взглянуть на этого человека, чтобы ощутить сильнейшее желание, какого она не знала прежде. Но все это исчезло, когда он сказал ей, что намерен жениться на ней, чтобы отомстить.

Ее воспоминания о замужестве были так неприятны, что ей вовсе не хотелось повторять такой опыт. Весь год после развода она избегала даже свиданий и заработала репутацию равнодушной и холодной женщины.

Ее неприятие брака не могла преодолеть даже сверхсексуальность Чезаре Гамбрелли!

Она не слишком много знала об этом человеке, но достаточно, чтобы понимать — *этот* брак будет значительно хуже первого.

Робин решительно покачала головой:

— Не о чем и говорить. Что вы делаете? — она с возмущением смотрела на Чезаре, который, подойдя к ней, поднял ее с дивана и обнял.

— Ну, если вы не знаете, Робин, я вам лучше это покажу, — насмешливо произнес он, прижавшись своими губами к ее.

Робин была захвачена врасплох. Вначале она почувствовала, как участился ее пульс, и, схватившись руками за его плечи, чтобы не упасть, ощутила его силу и мускулистость.

Робин хотела сопротивляться ему. Знала, что должна сопротивляться. Знала, что должна оттолкнуть его и снова потребовать, чтобы он ушел.

Но, когда он прижал ее сильнее, ее тело опять откликнулось на его близость. Она четко понимала, что должна противиться этому человеку, но огромное удовольствие парализовало ее. Ее соски стали твердыми, когда Чезаре, оторвавшись от ее губ, наклонил голову и взял губами этот бугорок, прямо через блузку и бюстгальтер. Ее удовольствие и чувственный восторг были неконтролируемы. А он, приподняв голову, торжествующе посмотрел на нее:

— Сомневаюсь, что вам не понравится в моей постели!

Слова и насмешка в голосе подействовали на нее отрезвляюще, словно холодный душ. Сексуальное возбуждение мгновенно пропало. Отталкиваясь, Робин уперлась в руки в грудь Чезаре. Он отступил, глядя на нее с нескрываемым триумфом.

— Ублюдок! — яростно выдохнула она традиционное английское ругательство.

— Возможно, — безразлично ответил он, — но вы выйдете за меня замуж, и как можно скорей, чтобы наши первые дети не подпали под это определение.

Робин была смущена и расстроена реакцией своего тела, зля на Чезаре за то, что он возбуждал такие неподвластные ей чувства.

— Я не собираюсь выходить за вас замуж ни сейчас, ни в будущем!

— Я думаю, вы выйдете. Очень скоро. И без всяких театральных сцен, — мягко возразил он.

Чезаре говорил спокойно и уверенно. Похоже, он знал какие-то неизвестные ей факты.

— Вы чего-то недоговариваете?

— Вы так же умны, как и красивы.

На Чезаре тоже подействовало происшедшее минуту назад — больше, чем он хотел бы

признать. Ее тело было так прекрасно, так живо откликалось на его прикосновения, что Чезаре пришлось отпустить ее, чтобы не потерять контроль над собой.

Он не хотел заниматься с ней любовью в гостиной дома ее отца.

Он хотел быть с ней в постели, смотреть на нее, ласкать, ощущать ее, видеть ее трепет от желания и удовольствия, самому испытывать те же чувства. Она доставит ему невысказанные радости.

— Недоговариваю? Да, самое интересное я приберегу напоследок.

— Хватит сарказма, говорите, — нетерпеливо потребовала Робин.

Его усмешка сменилась мягкой улыбкой:

— Боюсь, сексуальная неудовлетворенность не улучшает ваш характер.

— У вас тридцать секунд, чтобы сообщить мне, почему вы так уверены, что я выйду за вас замуж. Затем я вызову дворецкого, и он выведет вас из дома моего отца, если потребуется, силой.

— Сомневаюсь, но удовлетворю ваше любопытство. Собственно, я затем и пришел сюда.

— Слушаю, — слабо сказала Робин.

Больше всего Робин хотелось, чтобы этот человек ушел — не только из этого дома, но и из ее жизни. Сейчас ей хотелось остаться одной и хоть как-то успокоиться.

— Ваши ушки, хотя и чудесные, не самое главное ваше достоинство, — его взгляд скользнул в ложбинку меж ее грудей и задержался там.

Ей тоже захотелось посмотреть туда — подсохла ли блузка там, где он целовал ее сосок.

— У вас осталось десять секунд, — сквозь зубы проговорила она.

Улыбнувшись, Чезаре достал из нагрудного кармана пиджака несколько сложенных листов бумаги и принялся медленно разворачивать их.

Робин наблюдала за этими действиями, ощущая себя мухой, глядящей на паука, в паутине которого она запуталась. Понятно, в этих бумагах есть нечто, что позволяет ему говорить о его предложении брака как о декларации о намерениях.

Глава третья

— Не пора ли вам вызывать дворецкого, Робин? Десять секунд прошли.

Да, прошли. Они проходили, пока Чезаре Гамбрелли медленно и методично разворачивал листы бумаги, которые доставал из кармана.

Робин не собиралась никого вызывать, пока не узнает точно, что там у него.

— Эти бумаги, — начал мужчина, поднимая их так, чтобы она видела, — собраны мной за последние три месяца. Это счета из банков и казино, расположенных по всей Европе. Это долги вашего брата.

- Мой отец будет только рад выкупить их у вас.
- Я не собираюсь продавать их, Робин, — по крайней мере, за деньги.
- Вы считаете, что эти долги заставят меня выйти за вас замуж?
- Выйти за меня замуж и стать матерью Марко.

Вспоминать об этой трагедии ужасно — крохотный мальчик стал сиротой.

Несмотря на протесты, Робин была не так уж уверена, что в том несчастном случае не было вины Симона...

Последние три месяца были ужасны. У отца случился сильнейший сердечный приступ, когда он узнал о гибели сына. Робин страшно переживала потерю.

Кроме того, за эти три месяца они узнали, как глубоко Симон влез в долги — жуткий кошмар для адвокатов, которым каждый день приходилось сталкиваться с новыми денежными обязательствами Симона.

Ее отец найдет деньги и заплатит по долгам. Три месяца назад безвременно погибли два молодых человека, семьи их в горе, в трауре. И еще — сиротство незнакомого малыша Марко. Но это безвозвратно и непоправимо. И бумаги Чезаре Гамбрелли не объясняют, почему ей придется стать его женой.

Чезаре следил за сменой выражений на красивом лице Робин. Непонимание, неопределенность, скорбь... и прежняя решимость.

Хватит играть в кошки-мышки — к делу!

Чезаре выпрямился:

— Долги тривиальны, все ерунда по сравнению вот с этим, — он указал на лежавшую сверху бумагу.

Робин взяла ее дрожащими руками. Кровь отлила от ее лица, когда она поняла, что это за документ.

— Как вы видите, — бесстрастно продолжал Чезаре, — это последнее, что сделал ваш беспутный брат. Он проиграл свой пакет акций, оставленный ему вашей матерью. Это тридцать процентов акций издательской компании вашего отца, — он протянул ей второй лист бумаги.

Робин не верила своим глазам. Невозможно. Это не может быть правдой. Симон не мог... он бы никогда...

Не мог? Никогда?

Его игра была болезнью, пагубной зависимостью. Зависимостью, из-за которой он потерял все. Все, но не акции, которые оставила ему мать, умершая пять лет назад...

— Этот документ не имеет законной силы, он не может... — с трудом выговорила Робин.

— Имеет, уверяю вас.

Робин с трудом перевела дыхание:

— Но деньги, которые Симон получил за них...

— Значительно меньше их реальной стоимости. Но, тем не менее, транзакция оформлена по всем правилам. Они были бы действительны, даже если бы ваш брат получил за них один пенс.

Да, видимо, он прав. Он не пришел бы сюда так самонадеянно и торжествующе, не будь он совершенно уверен в том, что является законным владельцем акций.

— Я буду рад подарить вам эти акции в день нашей свадьбы, — несколько напыщенно произнес Чезаре Гамбрелли.

Робин смотрела на него, не в силах поверить в происходящее. Этот человек собирается заставить ее выйти за него замуж, обещая вернуть долю Симона в компании ее отца...

И все происходит наяву!

Смуглое лицо было полно решимости, блестящие темные глаза многообещающе смотрели на нее.

— Я уверена, папа охотно выкупит у вас эти акции по полной рыночной цене.

— Они не для продажи, ни по какой цене. Я, как и говорил, купил их анонимно, мое имя не зарегистрировано в списке владельцев компании. Однако если вы не согласитесь на мои условия, я зарегистрирую их на свое имя и войду в правление. И стану очень активным членом правления.

В этом Робин несколько не сомневалась. Теперь, зная отношение Чезаре к их семье, она была уверена — он сделает все возможное, чтобы разрушить дело ее отца — и уничтожить его самого.

Компания значила очень много для отца — все. Они с матерью Робин основали ее в начале своей семейной жизни, и она выросла в мультимиллионную империю.

Это созданное семьей, управляемое семьей предприятие. Робин тоже работала в компании уже шесть лет, закончив университет. Последние два года она являлась помощником отца, поскольку Симон из-за своих выходов был уже не в состоянии делать это.

— Кажется, ваш отец тяжело болел после смерти сына? — сочувственно спросил Чезаре.

Сострадательность тона несколько не обманула Робин, напротив, она почувствовала в этом дополнительную угрозу.

И очень реальную...

Врачи очень серьезно советовали отцу легче воспринимать происходящее. Но как, ведь каждый день обнаруживались новые проблемы, созданные игровой страстью Симона. И даже в этот момент отец обсуждал где-то все те же вопросы...

— У меня нет ни малейшего желания обсуждать с вами здоровье моего отца.

— Согласен. Не нужно ничего обсуждать. Я уверен, если ваш отец узнает, до какой степени Симон проиграл свою жизнь... Следующий приступ может быть фатальным.

— Что же вы за человек, — потрясенная, Робин была смертельно бледна.

— Я сицилиец! — его ответ звучал гордо. — В моей стране кровная месть означает лишь одно — кровь за кровь! За смерть платят либо смертью, либо браком между двумя семействами.

Отец предупреждал ее: держаться от него подальше. Но как она могла избежать *этой* встречи? Он пришел в их дом!

Как отец мог знать, что Чезаре Гамбрелли так опасен? Вероятно, он получил в каком-то виде ответ на свое письмо сочувствия...

Чезаре явно не трогали ее боль и шок. Его замечательная сестра погибла по вине брата этой женщины, тоже погибшего. За это должно быть заплачено кровью, тем или иным способом.

Робин не сразу смогла говорить, мешал спазм в горле. Наконец ей удалось собраться:

— Отец никогда не согласится на брак при таких обстоятельствах.

— Выбирать вам. Откажетесь быть моей женой, и я сделаю все возможное, чтобы разрушить «Ингрэм паблишинг».

Не пустая угроза. Пакет акций, который он приобрел, делает его вторым держателем. Первый — пятьдесят процентов — пакет Чарлза Ингрэма, у Робин двадцать процентов, доставшиеся ей от матери... Чезаре точно понимал свои возможности разрушить «Ингрэм паблишинг». Он и собирался, пока не изменил планы, встретив Робин, поставить на колени эту компанию.

Зато теперь он решил поставить на колени Робин Ингрэм.

— Зачем вы это делаете? Ведь вы не больше хотите жениться на мне, чем я выходить за вас замуж. Зачем?

К ее слезам Чезаре отнесся безразлично. Он решил, что его касается и интересует лишь одна единственная область эмоций этой женщины.

— Дело даже не в моих желаниях. Марко нужна мать, — напомнил он.

— Вы имеете злейшего врага в моем лице, — отчаянно сказала Робин.

— Вы воспринимаете это слишком лично.

— Представить себе нельзя что-то более личное.

— Можно. Вы носите ненавистную мне фамилию Ингрэм. А я сицилиец и...

— Холодный, мстительный сицилиец.

— Мстительный, да, но я ведь не всегда холодный, а Робин? И, несмотря на то, что я о вас слышал, вы тоже не холодны?

Она залилась краской стыда. Недавно она предала себя, отвечая на его поцелуи. Теперь бессмысленно говорить, что она не хочет его физически.

— Мой отец не примет мое замужество по таким причинам.

— Меня не интересует, что ваш отец примет, а что не примет.

Да, ему все это безразлично.

— Я знаю, мой отец никогда не согласится, чтобы я выходила замуж ради спасения компании.

Она-то знала — отцу не перенести всего этого ужаса. Смерть сына, долги и позор, последовавшие за этой смертью, и в довершение гибель его детища — компании.

И в то же время он не пожертвует свою дочь этому Чезаре Гамбрелли, чтобы спасти компанию.

Боже, неужто она обдумывает, как ей с *огласиться* на эти архаические требования? Разве такое возможно?

Нет. Конечно, нет.

Пока она будет слушать его...

— Ваше дело уговорить отца, — взмахнув рукой, говорил человек, намеревающийся стать ее мужем, — я понимаю, как вам не хочется огорчать отца.

— Нечего лицемерить, вам на него наплевать, — сердито бросила Робин.

Его глаза блеснули.

— Я вовсе не так бессердечен, Робин, хотя вы думаете иначе. Я не возражаю против *приукрашивания* правды для вашего отца. Скажите, что мы страстно полюбили друг друга, что вы не можете жить без меня, мечтаете выйти за меня замуж. Только знайте одно: вы станете моей женой. Я дам вам время... привыкнуть к этой мысли, — милостиво закончил Чезаре, одновременно аккуратно убирая бумаги в карман.

Робин не понимала, что ей делать, как вести себя.

— Предлагаю поужинать вдвоем сегодня и завершить обсуждение, — спокойно сказал Чезаре.

— Вы полагаете, нескольких часов мне достаточно, чтобы привыкнуть к *этой* мысли?

Чезаре взглянул на нее, на привычно гордую осанку, на сдержанно поднятый подбородок. Сейчас ему больше всего хотелось закончить то, что они начали раньше.

Но он сдержал свои эмоции.

— Не вижу смысла откладывать неизбежное, — констатировал он.

— Неизбежное для вас, не для меня.

Чезаре тонко улыбнулся:

— Марко нужна мать сейчас, а не через три и не через шесть месяцев.

А ему, Чезаре, нужна эта женщина в его постели. Не захочет законного оформления, он сделает это без документа о браке.

— Я осведомлен о том, что вы уже были замужем.

Он говорил об этом с неприятным чувством. Мысль о том, что другой мужчина владел этой страстной красотой, была ему противна.

— А вы? Сколько вам? Тридцать семь? Тридцать восемь? — с издевкой спросила Робин.

— Тридцать семь на ваши двадцать семь, — поддразнивая, ответил он.

Она нетерпеливо кивнула:

— И, конечно, уже были женаты?

Чезаре несколько секунд откровенно любовался ее красотой, затем спокойно ответил:

— Если бы я когда-то был женат, то был бы женат и сейчас. В моей жизни не может быть развода, Робин. Я могу жениться только на всю жизнь, — добавил он, заранее не давая ей предположить, что она может завладеть долей акций, а затем законно расстаться с ним.

Чем скорее он сделает ей ребенка и навсегда привяжет ее к себе, тем лучше для них обоих.

— И вы будете навсегда замужем, — добавил он, чтобы у нее не оставалось малейших сомнений. — Итак, о сегодняшнем ужине. Я заеду за вами сюда в семь тридцать.

— Я не давала согласия ужинать с вами.

Все слишком быстро.

Она чувствовала, как он опутывает ее, чтобы крепче держать, чтобы подчинить себе...

В то же время Робин не видела возможности отказаться от его предложения, скорее приказа. В этот момент... Но будут и другие моменты... Чем больше времени она выиграет, тем лучше сможет все обдумать.

Он поднял брови, губы насмешливо изогнулись.

— Но вы придете, не так ли?

Его уверенность приводила девушку в ярость. Она чувствовала себя мышкой, с которой играет очень большая, огромная хищная кошка, возможно, черная пантера...

Держись, Робин, держись, повторяла она себе. Да, он чудовищно опасен, отец не напрасно предостерегал ее. Но нельзя показать ему, как ее пугают его угрозы.

— Да, приду. Но не приезжайте сюда за мной. Встретимся в ресторане, — она не хотела подчиняться всем требованиям Чезаре.

Он нахмурился, улыбка исчезла, он заподозрил демонстрацию независимости. Но в данный момент такая свобода была ему не страшна. У него масса времени. Когда она станет его женой, он покажет ей, что не намерен выслушивать приказы от женщины, на которой он женился по законам вендетты!

— Мы будем ужинать не в ресторане, а в моем номере лондонского «Гамбрелли-отеля», — высокомерно сказал он. — Думаю, это будет более... камерно для нашего разговора, который мы хотим закончить, — заключил он прежде, чем она успела возразить.

Он почти видел, как путаются ее мысли. Сначала возмущение. Потом тревога, вызванная перспективой оказаться наедине с ним в его номере его же отеля. А затем, хотя и с задержкой, осознание того, что, возможно, он прав.

Возможно! Чезаре не сомневался — предстоящий разговор будет не менее горячим, чем тот, который только что произошел. И точно так же он не сомневался — ни ему, ни ей не нужны публичные сцены в ресторане.

Для ее семьи достаточно тех публичных сцен, которые происходили по вине ее брата Симона.

— Жду вас в семь тридцать в «Гамбрелли-отеле», — и на этот раз слова звучали как утверждение, а не предложение.

Ничего не поделаешь... Но я приеду, когда мне удобно.

Конечно, это была только бравада с ее стороны. Чезаре Гамбрелли четко объяснил ей, что у нее нет шансов избежать встречи с ним сегодня. Так какой же смысл пытаться сопротивляться неизбежному?

Смысл есть.

У нее не будет ощущения полного подчинения этому Гамбрелли.

Кроме того, она хочет дождаться возвращения отца вечером, в любое время, чтобы поговорить с ним.

Она не собиралась рассказывать отцу о визите Чезаре Гамбрелли, о его угрозах. Но ей хотелось узнать, что отец имел в виду, когда предупреждал об опасности, исходящей от этого человека. Сомнений в самом факте после встречи с ним у Робин уже не осталось.

— Мне удобнее в восемь, — наконец ответила Робин.

— Боюсь, это слишком поздно, — покачал головой Чезаре.

— Слишком поздно для чего?

— Для Марко, конечно. В восемь он уже в постели.

Робин смотрела на него, не понимая.

— Марко с вами в Лондоне?

— А где же еще ему быть?

Да... Ужин с Чезаре был мало приятной перспективой. Но все оказалось хуже, значительно хуже, чем она представляла.

Она глубоко вздохнула:

— Не думаю, что именно сейчас мне нужно встречаться с Марко...

— Думаю, вам вообще не хочется с ним встречаться. Знаю, у вас нет опыта общения с детьми. Надо будет приобрести. И быстро.

Робин замерла: нет опыта общения с детьми...

Да, ей не приходилось иметь дело с маленькими, но ей так хотелось иметь и любить своего ребенка...

— В вашем предыдущем браке детей не было. Довольно странно. Вашему уважаемому мужу, Джилу Бенету, поскольку он унаследовал титул своего отца, необходим был сын, чтобы не дать угаснуть знатному роду. Может, он развелся с вами оттого, что вы не хотели детей? Возможно, как многие молодые женщины, вы откладывали рождение ребенка? Чтобы подольше попользоваться свободой? — он испытующе смотрел на нее. — Но теперь все устроилось. Вам придется забыть о своем эгоизме, вы станете моей женой и матерью Марко.

Это совершенно противоречило натуре Чезаре. Он не понимал, как можно не любить, даже не *обождать* детей. У него не было ни малейшей симпатии к людям, для которых дети не являлись самым главным в жизни.

Чезаре выяснил все о разводе Робин Ингрэм и Джилы Бенета.

Хотя он не ожидал, что Робин будет так сильно сопротивляться встрече с Марко.

Не всем женщинам изначально присущ инстинкт материнства. У некоторых он просыпается позже. Чезаре казалось, у Робин Ингрэм этот инстинкт должен быть. Ее трогательное отношение к отцу, любовь к старшему брату означали, что для нее очень важны семейные ценности.

Возможно, нежелание заводить детей объяснялось ее боязнью беременности и родов?

Но каковы бы ни были эти причины, ей придется справиться с собой.

Чезаре намеревался сделать ее матерью своего племянника и заставить ее родить еще сестренку или братишку Марко за первый год их брака...

Глава четвертая

— Вы великолепно выглядите, — Чезаре приветствовал Робин стандартным комплиментом.

Он встретил ее возле частного лифта, который поднимался непосредственно в номер. Было без четверти восемь.

Робин старалась держаться спокойно и отстраненно. На ней было простое черное платье до колен, с закрытым воротом. Волосы она заколола в пучок. Единственные украшения — серьги и браслет. И почти без косметики.

В конце концов, думала она, разглядывая себя в зеркале перед уходом, ведь не на свиданье же она собирается. Это будет продолжение разговора с Чезаре Гамбрелли.

И он познакомит ее с Марко...

Глубоко вздохнув, она ответила:

— Надеюсь, вы не ждете ответного комплимента? — Отметила про себя, что ему очень идут черная шелковая рубашка и черные брюки.

Оба прошли в номер.

Это был пентхаус, занимавший весь верхний этаж здания, с собственным лифтом. Так Робин объяснили на ресепшене.

Чего же еще можно было ожидать?

Чезаре Гамбрелли — один из богатейших людей мира. Он может позволить держать для себя верхние этажи всех принадлежащих ему отелей по всему миру. Вероятно, так и есть.

Чезаре восхищенно смотрел на Робин. Ей удалось полностью собраться. Она выглядела прелестной, выдержанной, слегка высокомерной светской женщиной.

— Выпьем? — предложил Чезаре, вынимая бутылку шампанского из ведерка со льдом.

Было несколько позже половины восьмого. Он ожидал этого. Понимал — Робин намеренно опоздает, чтобы показать, что не хочет подчиниться его приказам.

И все же...

— Шампанское, Чезаре? Не преждевременно ли вы празднуете?

— Разве? — он разлил вино по бокалам и подошел к Робин. — Я взял за правило всегда пить шампанское, — он подал ей бокал.

— Чудесно иметь такие привычки!

Чезаре лениво улыбнулся ей:

— Вовсе нет. Просто это единственный не вызывающий похмелья алкогольный напиток.

Он держался очень уверенно, явно чувствовал, что в их отношениях он играет главную роль. Действительно так?

Робин нелегко было выпытать у отца, почему опасен Чезаре Гамбрелли. Отец отказывался говорить об этом человеке. Он повторил еще раз, что Чезаре играет без правил.

Насколько без правил? И что он может позволить себе по отношению к семье, которую считает виновной в гибели своей сестры?

Робин не хотелось рассказывать отцу о приходе Чезаре в их дом, поэтому ей пришлось прекратить расспросы.

Не назвала она и имя человека, с которым собиралась встретиться вечером. Неопределенно сказала только, что с другом. Она была не готова говорить о Чезаре, да и отец выглядел очень усталым после улаживания вопросов с игровыми долгами Симона...

— Что ж, выпьем, Робин? За успешное завершение нашего разговора, да?

Робин лишь взглянула на него из-под длинных ресниц.

— Если нам не удалось разрешить какие-то вопросы, давайте займемся этим. Пейте, — нетерпеливо повторил он.

Вместо того, чтобы делать то, что он говорит, Робин отошла к двери.

Как будто приготовилась сбежать, подумал Чезаре.

Можно сбежать, но невозможно спрятаться. Что бы ни делала Робин, чтобы освободиться, она станет его женой.

Его взгляд скользнул по ее телу. Вероятно, она надела черное закрытое платье, чтобы скрыть изящные линии своего тела. Потому же сколота свои роскошные волосы в пучок.

К несчастью для Робин, все это возымело обратный эффект. Было что-то особенно дразнящее в этом скромном платье и строгом пучке. Ему очень хотелось распустить ее волосы и целовать ее, пока она не обмякнет в его руках.

Вряд ли она понимает, что именно из-за ее усилий скрыть свою привлекательность он думает только о том, чтобы ласкать и целовать каждый сантиметр ее шелковистого тела.

Робин очень хотелось, чтобы он не смотрел на нее так. Этот взгляд лишал ее уверенности. Этот взгляд словно снимал с нее одежду. Под платьем на ней были только трусики и шелковые чулки — не слишком много снимать.

Она чувствовала себя крайне неловко, потому что ее тело вновь отвечало этим оценивающим и одновременно ласкающим взглядам. Вопреки ее желанию. Вероятно, Чезаре заметил это, потому что мягкая ткань платья не скрывала ее отвердевших сосков.

Почему она так реагирует на близость Чезаре Гамбрелли? Весь год ее совершенно не интересовали мужчины и их внимание. Оттого она прослыла неприступной. А на присутствие Чезаре ее тело отзывалось так, словно уже знало его, словно они давно стали любовниками!

— Я заказал ужин на половину девятого, — потягивая шампанское и глядя на нее все тем же раздевающим взглядом, сказал Чезаре.

— Чудесно, — ответила Робин.

Он может заказывать ужин на любое время — вряд ли она сможет есть. Одно только присутствие этого человека лишало ее аппетита.

И что они будут делать сорок пять минут, до ужина?

Вряд ли Чезаре планировал провести это время с крошкой племянником.

— Вы, кажется, несколько... напряжены сегодня, Робин? — заметил мужчина.

Несколько напряжена? Да у нее от этого напряжения болит все тело. Робин так сжимала бокал, что тот чуть не треснул.

— А как, по-вашему, я могу себя чувствовать после *ваших* сегодняшних угроз?

Чезаре сжал губы. Конечно, он угрожал этой женщине — сестре ненавистного ему человека.

— Может, мне продемонстрировать вам те... удовольствия, которые станут доступны вам в браке со мной? — Тревога в ее глазах порадовала его.

— Я еще не соглашалась выходить за вас замуж, поэтому любые *демонстрации* абсолютно ни к чему.

Чезаре видел, как бьется жилка у основания ее горла, как вздымается ее грудь, как напряжено все ее тело.

— Возможно, не нужны, Робин, но мне кажется, они неизбежны.

Он поставил на столик ее и свой бокалы, крепко прижал ее к себе и закрыл своими губами ее рот. Потом нащупал рукой заколку в ее волосах, расстегнул ее, освободив шелковую роскошную копну медового цвета.

Ее губы имели вкус шампанского и меда. Они были мягки и отзывчивы. Ох, как они ему отвечали!

Остановись, надо остановиться, я должна остановиться, повторяла себе Робин.

Должна!

Но почему-то она не могла положить конец этому поцелую — он был крепок, страстен, интимно нежен и ласков.

Боже, как же она желала этого человека! Пальцы ее захватили его волосы — ну как остановить себя?..

Она никогда и никого не желала так сильно. Даже Джила, за которым три года была замужем. Человека, который отвернулся от нее, когда оказалось, что она перестала соответствовать его планам на будущее.

— Нет! Не хочу, — с трудом освободив губы, запротестовала Робин, оставаясь по-прежнему в его руках, прижимающих ее к своему мускулистому телу.

— Нет? — насмешливо переспросил он.

— Нет, — твердо ответила она.

Чезаре видел, как подрагивают ее губы, понимал, что это неправда, что она в этот момент очень, очень хочет его.

И он очень, очень хотел ее.

Но она права. Не время. Возможно, позже, когда Марко уснет...

Чезаре резко отступил, освободив ее.

— Пора познакомить вас с Марко, — уверенно сказал он.

— Сейчас, — выдохнула Робин, поправляя дрожащими руками волосы и с недоверием глядя на Чезаре.

Видя ее нежелание, мужчина сжал губы.

— Да... сейчас, — отрезал он. — Я принесу его из детской.

— Может, мне лучше пойти с вами и в детской пожелать ему спокойной ночи? Жаль тревожить его, — предложила Робин.

— Его еще не уложили, а если и уложили, он, как все дети, обрадуется чему-то новому.

С трудом приходящая в себя Робин не могла скрыть, что предпочла бы избежать в этот момент знакомства с малюткой.

— Скоро вернусь, — сказал он, уходя.

Робин взяла бокал и подошла к окну. Она смотрела на величественную перспективу, но ничего не видела.

Как же выглядит крохотный племянник Чезаре? Если похож на дядю, то, конечно, он очень красивый ребенок.

Малыш оказался маленькой копией дяди. Робин услышала шаги и обернулась, когда Чезаре входил в комнату с маленьким мальчиком на руках.

Волосы и глаза Марко были абсолютно такими же, как у дяди, красивое личико осветилось улыбкой, трогательно открывая два белых зуба. Он возбужденно оглядывал комнату.

Мальчик выглядел крупным для шести месяцев, с длинными ножками, ручки его доверчиво лежали на груди Чезаре.

Только взглянув на него, Робин ощутила необычайное тепло внутри...

— Поздороваемся с Робин, — ласково пробормотал Чезаре.

Робин невольно отступила с испуганным лицом, коснувшись спиной окна.

Ее движение вызвало недовольную гримасу на лице Чезаре.

Что же с этой женщиной? Он, Чезаре, много возился с Карлой, когда она была ребенком, но с другими детьми он не имел дела. Когда родился Марко, он горячо полюбил его сразу же. Он не мог поверить, что можно не испытывать тех же чувств к этому дивному созданию.

Робин же выглядела так, как будто хотела бежать, как будто ее преследует черт!

— Он не кусается, — мрачно сказал Чезаре.

— Нет? С такими-то зубками? — она старалась держаться непринужденно, хотя ей это и не удавалось.

Чезаре удивленно смотрел на нее — она старалась держаться в стороне, словно боялась притронуться к Марко.

У Марко были иные взгляды. Со счастливым воркованьем он потянул маленькие ручки к Робин.

— Кошки ведут себя так же, — прокомментировал Чезаре, видя, как уходит в себя Робин.

— Что?.. — переспросила она, замороженно глядя на Марко.

— Они инстинктивно идут к людям, которые их не любят, — категорично объяснил он.

А его племянник резко потянулся к Робин, с твердой верой, что она возьмет его.

Робин неторопливо взяла мальчика и держала его, немного отстраняя от себя. А Марко захватил ручонкой прядь ее волос.

Чезаре с непроницаемым видом смотрел на них.

Карла была матерью Марко. Ей было с ним легко, как любой матери со своим ребенком. А Робин выглядела так, словно она держит в руках бомбу, которая может взорваться в любой момент.

Зато у Марко не было комплексов, он улыбался Робин, крутя в кулачке ее волосы, пытался сообщить ей что-то на только ему понятном языке.

Чезаре, хмурясь, готовился забрать ребенка у Робин, если она окажется в полном изнеможении.

А вдруг эта игра с ее стороны, вдруг она надеется таким образом изменить его решение жениться на ней?

Он не скрывал своей огромной любви к Марко, и умная Робин могла подумать, что он не захочет своему любимцу такой матери, которая даже не хочет подержать ребенка, а уж смеяться и играть с ним и подавно.

Робин использует любовь Чезаре к Марко против него самого?

Если так, это чудовищно! Тогда он в ней полностью ошибается.

— Отнесу Марко в постель, — холодно сказал он.

Робин удивленно посмотрела на него. Она совершенно забыла про Чезаре. Все ее внимание сосредоточилось на ребенке.

— Похоже, ему здесь очень нравится, — с сожалением сказала она.

Марко, улыбаясь, повернулся к дяде, не отпуская ее волосы.

— Тем не менее ему пора в постель, — со строгим упреком ответил Чезаре.

Он попытался взять у нее Марко, но это оказалось вовсе непросто — малыш закричал в знак протеста.

Робин стала разжимать маленькие пальчики, чтобы освободить прядь своих волос. Но Марко явно решил не расставаться с ними.

— Наверное, мне надо пойти в детскую с вами?

— Похоже, — сухо сказал Чезаре, все-таки забрав ребенка у Робин.

Так они и пошли втроем: Робин спешила за ними, иначе пришлось бы ей остаться без пряди волос.

Марко улыбался ей через плечо дяди, а она могла улыбаться ему в ответ, потому что Чезаре ее не видел.

Потому что Чезаре заблуждался, когда говорил ей сегодня, мол, ее брак с Джилом распался

из-за ее нежелания иметь ребенка.

Какое уж нежелание. Все наоборот!

Оказалось, что она не может дать Джилу детей, чтобы продолжить род Бенетов.

Робин не слишком волновалась, не забеременев в первый год брака. Думала, это случится позже. Когда случится, тогда и случится. Шли месяцы, но ничего не случалось. И Робин решила, что пора посетить врача.

Это было первое из множества таких посещений.

Потом было два года тестов. Соблюдения графиков. Снова тесты.

Но ребенка не получалось.

Тесты показывали, что и Робин и Джил способны к воспроизведению потомства, просто она почему-то не беременела. Специалист советовал взять приемного ребенка, и тогда, не ощущая давления необходимости, Робин может забеременеть. Так случается. Но Джил даже не обсуждал такой вариант. Либо его ребенок, либо не надо вообще.

Два месяца назад у Джилы и его новой жены родился сын...

А Робин осталась с убеждением, что *все это* ее вина.

Брак распался, а ее ждет будущее без мужа и без детей. Как она могла выйти замуж, зная, что не сможет родить супругу ребенка?

А сейчас Чезаре Гамбрелли, не зная об этом, хочет жениться на ней и подарить ей ребенка, которого она сама родить не способна.

Ребенка, которого она страстно полюбила, едва взглянув на него.

Глава пятая

— Могу я... освежиться перед обедом? Эти слова оторвали Чезаре от его размышлений.

Он надеялся застать Робин врасплох, показав ей вот так Марко, но, кажется, именно он оказался в странном положении.

Отчего Марко так понравилась Робин, она же ничего для этого не делала?

Малыш расплакался и тянул ручонки к Робин, когда Чезаре укладывал его в кроватку, клал рядом любимого плюшевого мишку, укрывал одеялом. Но Робин была совершенно бесстрашна.

Ее холодность к самому себе Чезаре мог понять, но к Марко?.. Малютка остался без матери, пусть он еще и не понимает этого. И Чезаре не намерен разрешать ей быть безразличной к нему, к такому крохе.

Потому что неважно, чего хочет Робин, но она станет женой Чезаре. И чем раньше, тем лучше!

— Ванная там, — он махнул рукой в сторону гостиной, чувствуя, что ему необходимо выпить еще шампанского.

Взглянув на себя в зеркало, Робин поразились блеску своих глаз.

Она влюблена!

Но не в Чезаре Гамбрелли.

И ни в другого мужчину.

В шестимесячного малыша, который маленькой ручонкой захватил ее сердце!

Она уселась на край ванны, стараясь успокоиться. Марко — восхитительный ребенок, совершенно восхитительный. Как хорошо ей было, когда она держала его на руках, так до боли естественно. Именно о таком чудесном создании она долго мечтала. Ей не хотелось передавать его Чезаре, когда пришло время.

И как быть теперь?..

Чезаре Гамбрелли объявил ей, что намерен жениться на ней, намерен сделать ее матерью Марко.

Очень хотелось этого, последнего, если бы не первое...

Плата за осуществление ее желания — стать презираемой и ненужной Женой Чезаре, женщиной, на которой он женится только чтобы исполнить то, что он называет долгом кровной мести. Разве она хочет этого?

Да!

Не понимая того, Чезаре предлагает ей радость, которую она считала для себя навеки потерянной. Теперь, когда она увидела Марко, держала его, чувствовала его тепло, видела его дивную улыбку, она сделает все, чтобы не потерять возможность стать его матерью.

Но только ни в коем случае нельзя показать Чезаре, как глубоко задеты ее чувства. Если этот человек почувствует, что дает нечто отчаянно нужное ей, он непременно использует это для полного подавления ее воли.

Да, она видела Марко и держала его на руках. И теперь она намерена выйти замуж за Чезаре, но не на его условиях, а на своих...

— Можно приступить к обеду, — объявил Чезаре, когда Робин вошла в гостиную.

Вновь заколов волосы в аккуратный пучок, она выглядела холодно и спокойно, как полчаса назад, когда пришла.

— Хорошо, — ответила она и направилась в столовую.

Когда такая женщина рядом, любой мужчина может гордиться собой, думал Чезаре, идя за ней следом, глядя, как красиво движутся ее бедра...

Или в его постели...

— Вы решили, что сказать отцу по поводу нашей женитьбы? — спросил Чезаре, усаживаясь за накрытым столом напротив Робин.

— Я вам уже говорила — относительно нашего брака я еще ничего не решила.

— Но свадьба все равно *будет*.

Я не выдала себя, облегченно подумала Робин.

— Что касается разговора с папой, я думаю... он согласится только на мой брак по любви, и не иначе, — неторопливо говорила она, раскладывая на коленях салфетку, собираясь начать обед с коктейля из морепродуктов.

— Я же говорил, я поддержу все, что вы решите сказать отцу. Но вы серьезно думаете, что мне удастся вести себя так, чтобы ваш отец поверил в нашу внезапно вспыхнувшую любовь?

— Это за пределом ваших возможностей? Или вы не можете притворяться, потому что не понимаете, как это — быть влюбленным?

— Любовь! — фыркнул Чезаре. — Мой отец очень любил мою мать, и когда ее не стало, он спился и умер молодым. Карла любила отца Марко, а он бросил ее, узнав, что она ждет ребенка. Да и ваш муж отказался от вас, поскольку вы не хотели ребенка. Я не нуждаюсь в любви. Это разрушительное чувство.

Робин хотела возразить, но передумала, когда он заговорил о ее браке. Она действительно любила Джилу, когда выходила за него замуж. И думала, что и он ее любит. Но любовь Джилы была недостаточна, чтобы вынести разочарование.

Робин уже твердо знала, любить Чезаре Гамбрелли — безумие, безумие для любой женщины!

Тем не менее, любя Марко, она будет вынуждена невольно стать женой этого человека.

— Вы правы, — признала Робин, — но ради моего отца, если мы действительно хотим пожениться, нам придется пару недель потренироваться, изображая влюбленных.

Чезаре смотрел на нее недоверчиво, понимая, что ее требования — это ее цена за то, чтобы выйти за него замуж. Высокая цена. Но может, это притворство принесет ему некоторую пользу, которую Робин еще и не поняла...

Он самоуверенно поднял голову:

— Предлагаю начать притворяться сегодня. Не возвращайтесь домой, как собирались. Это скажет вашему отцу, что у вас появился любовник, лучше всяких лишних слов.

— Bravo, Чезаре! — воскликнула Робин, восхищено глядя на него. — Вы когда-либо теряете контроль над ситуацией? — сухо добавила она.

Терять контроль над ситуацией — такого никогда не было в планах Чезаре.

Многие женщины побывали в его постели. Он считал себя опытным и внимательным любовником. До тех пор, пока женщина привлекала его физически. Все эти отношения всегда управлялись им, только им. Но как только он видел, что его эмоции выходят за область плотских желаний, он прекращал отношения.

И независимо от того, будет ли он притворяться влюбленным для отца Робин, отношения с ней он построит по тем же правилам.

Любовь превращает людей в дураков — так было с его отцом, то же случилось с Карлой. В эту ловушку Чезаре не попадет.

Он пожал плечами и повторил:

— Предлагаю вам после ужина позвонить отцу и сказать, что вы останетесь на ночь.

Робин понимала — отцу это может понравиться.

Чарлза очень расстраивал уединенный образ жизни, который вела его дочь после развода. Она тратила много времени, работая в «Ингрэм паблишинг», и избегала общества. Если она останется где-то на ночь, Чарлз, скорее всего, сочтет, что ее заинтересовал какой-нибудь мужчина, и это обрадует его, только если...

Если он не узнает, что этим мужчиной является Чезаре Гамбрелли. Тогда его реакция станет совершенно противоположной!

Но сейчас нужно сосредоточиться на том, чтобы закончить этот вечер, поговорить по телефону с отцом, провести ночь в одной из спален этого пентхауса Чезаре Гамбрелли.

Если только...

Она подозрительно взглянула на Чезаре:

— У меня нет намерения проводить ночь в вашей спальне, Чезаре!

— Я вас не просил.

— Я быстро обучилась тому, что вы не просите, а требуете и берете!

Чезаре с насмешливым удовольствием смотрел на сердитую, бунтующую Робин — совсем не та чопорная светская дама, какой она пришла в его номер совсем недавно.

— Уверяю, в мои планы не входит приглашать вас в мою спальню сегодня.

Похоже, его слова не убедили ее. Они вовсе не значили, что он не намеревается прийти к ней ночью...

— Бросьте, Робин, — миролюбиво произнес Чезаре, взяв вилку, — давайте перейдем к еде и к нейтральным разговорам. Благотворительный обед на прошлой неделе прошел успешно?

— Да. Анонимный жертвователю передал пятьдесят тысяч фунтов, — говоря это, Робин тоже взяла вилку, но ее подозрительность не исчезла.

— На хорошее дело, — улыбнулся Чезаре.

— Для детей-инвалидов.

— Вы, как и ваш отец, считаете, что я не способен на благотворительность?

Робин не очень ясно понимала, как она относится к этому человеку. Очевидно, он и был анонимным жертвователем, да и его огромная любовь к Марко не вызывала вопросов. И все же...

Он способен из мести принудить женщину — которую не любил и которая не любила его — к браку.

Он для нее загадка.

Загадка, неожиданно оказавшаяся привлекательной.

Определенно, последние дни она думала о нем гораздо больше, чем следовало.

— Вы не способны ни на что хорошее только к людям по фамилии Ингрэм, — с вызовом сказала она.

— Тогда хорошо, что вы скоро станете Гамбрелли.

Робин несколько секунд смотрела на него. Потом, вздохнув, сказала:

— Да, давайте перейдем к еде.

Несколько долгих напряженных мгновений он молчал и не двигался. Она облегченно вздохнула, когда он начал есть.

— Не любите устриц? — спросил Чезаре, видя, что она отодвинула тарелку.

— Если они вам помогут, пожалуйста, — ядовито ответила она, намекая на хорошо известное убеждение, что устрицы усиливают сексуальное влечение.

— Думаю, двух будет достаточно на сегодня, — сардонически ответил он.

Похоже, мои насмешки могут обернуться против меня самой, подумала Робин, потому что Чезаре отодвинул тарелку, встал и подошел к ней. Она ощущала его близость, тепло его тела вызывало в ней дрожь.

Кажется, мысль остаться здесь на ночь была не очень удачной...

— Помочь вам? — спросила она, увидев, что Чезаре переставляет тарелки с горячим блюдом с сервировочного столика. — Пожалуй, мне не надо тут оставаться, — решила Робин.

— Почему же нет? Чем скорее вы привыкнете к обязанностям жены, тем лучше, — вызывающе сказал он, когда она оказалась рядом с ним у сервировочного столика.

Есть одна *обязанность жены*, к которой ей не удастся привыкнуть!

Она не будет чувствовать себя свободно, зная, что этот человек станет ее любовником.

О, физически она хотела его, очень хотела, отрицать это невозможно, ее тело откликается на любое его прикосновение. Но она считала, что физическое влечение должно сопровождаться любовью. Бывший муж был ее первым и единственным мужчиной.

— Может, — медленно говорила она, накладывая еду на тарелки — Чезаре больше, себе меньше. — Нам пора обсудить условия нашего мифического брака? — она поставила тарелки на стол.

— Я согласился удовлетворить... чувствительность вашего отца... к нашему браку. Других условий в вашем положении не может быть, Робин, — хотя ему нравилась ее смелость, он

абсолютно не испытывал симпатии к ее чувствам.

— Тем не менее, если я соглашусь на этот брак — с очень большим «если», — я хотела бы поговорить... о характере нашего брака, — твердо сказала Робин.

Неожиданно для себя Чезаре рассмеялся, уверенный, что он знает, какую часть брака она собирается обсуждать. Он решил поскорее съесть свою порцию вкусного мяса, поскольку из небольшого опыта общения с этой женщиной знал — аппетит может покинуть его в любой момент.

— Мне хотелось бы, чтобы вы перестали отвечать насмешками на мои слова, — твердо сказала Робин.

— Возможно, я смогу, если вы перестанете комментировать то, что я нахожу смешным, — его улыбка стала шире.

— Рада, что вы отыскиваете забавные моменты в создавшейся ситуации, Чезаре. Мне совсем не смешно!

Я был прав — аппетит пропадает.

Во всяком случае, к еде...

Ему нравился ее гневный румянец, блестящие глаза, нравилось, как ее грудь натягивает тонкую ткань платья, как она выпрямляет плечи, делая ему выговор за несерьезное отношение к ней.

Но ему *серьезно* хотелось сорвать с нее это платье и прямо сейчас заняться с ней любовью.

— Я не смеюсь, Робин, но давайте обсудим это после еды, — хрипло сказал он.

— Я не голодна, — она гневно отодвинула тарелку.

Он тоже уже не хотел есть. У него был сейчас аппетит к... другим вещам.

— Не ведите себя как ребенок, Робин.

— Разве так?

— Ну да.

— Ну, если великий Чезаре Гамбрелли говорит *так, значит так!*

— Зачем вы все время провоцируете споры между нами, Робин?

— Разве?

— Вы же знаете.

Одно Робин знала наверняка — она хочет этого мужчину.

Она видела, как он смотрит на нее. Видела желание в его глазах, пока он это не скрыл. Все ее тело стонало от желания!

Но она не хотела хотеть его!

— Простите, — Робин не скрывала сарказма. — Очевидно, мне хочется спорить, когда мужчина затаскивает меня в постель с помощью шантажа.

Чезаре присвистнул:

— Ваша роль моей жены состоит в том, чтобы быть матерью Марко и моей любовницей!

— Я не хочу быть вашей любовницей, — убежденно сказала Робин, хотя ее тело протестовало против такого предательства.

— Все свидетельствует об обратном, моя дорогая Робин, — поднял брови Чезаре.

— Негодяй! — Она вскочила, взбешенная его уверенностью. — Негодяй, негодяй, негодяй! — повторяла она. — Вы мне противны, Чезаре Гамбрелли!

— Может, покажете мне, как я вам противен, Робин? — он обошел стол и подошел к ней.

Это уж слишком. Я слишком далеко зашла, призналась себе Робин, отступая.

Она хотела, чтобы он выслушал ее, ее требования, и уж никак не хотела провоцировать физический ответ.

Не хотела?

Сердце заколотилось, она чуть не задохнулась, когда Чезаре закрыл ее рот поцелуем — горячим, голодным, зовущим, не оставляющим возможности не ответить.

Неподвластно ей отозвалось ее тело, она забыла свои намерения и хотела только, чтобы это не кончалось, отчаянно хотела этого человека, как никогда еще никого и никогда.

Она жадно отвечала на его поцелуи, вцепившись пальцами в темную массу его волос, ее тело плотно прижималось к его.

Огонь. Эта женщина настоящий, сжигающий огонь.

И Чезаре хотел расплавиться в ее пламени. Он желал, страстно желал потеряться в этом аду вместе с ней.

Он еще сильнее прижался к ее губам и вновь распустил ее волосы, чтобы погрузить свою руку в это душистое шелковое чудо. Другая рука неустанно двигалась по телу Робин, трогая, глядя, лаская его изящные изгибы. Чувствуя ответную дрожь, он поднял подол платья, и его рука опустилась ниже.

Девушка тяжело задышала, когда рука Чезаре коснулась обнаженной кожи над чулками. Ее дыханье вырвалось коротким вскриком, потому что его рука легко проникла в ее шелковые трусики, нашла центр ее желанья, трогая и глядя там.

Чезаре чувствовал, как она расцветает и раскрывается ему. Продолжая целовать Робин, мужчина перенес вторую руку с волос на спину, нащупал и расстегнул длинную молнию платья, которое соскользнуло и легло облаком вокруг ее ног. Он сразу положил руку ей на грудь — размер груди идеально подходил его ладони — и теперь легонько, большим пальцем

гладил сосок.

Робин находилась как будто в наркотическом сне с того самого момента, когда его губы коснулись ее губ. С этой вулканической страстью, которая сжигала ее весь вечер, бороться было нельзя. Она еле дышала, когда Чезаре прекратил целовать ее в губы и, наклонившись, взял в рот отвердевший сосок, трогал его губами, зубами, забирал в рот поглубже, а вторая рука продолжала ласкать ее между ног.

Ее дыхание стало стоном, она двигалась в древнейшем ритме, крепко прижимаясь к нему и ощущая сотрясающее землетрясение внутри. Потом вдруг случилось освобождение, прошло напряжение и пришло счастливое блаженство, блаженство...

Лучше бы оно никогда не кончалось.

Глава шестая

Можно ли выйти с достоинством из этой ситуации? — с болезненным смущением думала Робин, придя в себя несколькими секундами позже.

Нет, уже невозможно, после такой полной потери контроля над собой. И к тому же на ней были только трусики, чулки и туфли, а Чезаре остался в брюках и рубашке.

Никак нельзя сказать, что он выглядел собранным и аккуратным: рубашка расстегнута — это ее пальцы, которые искали соприкосновения с его плотью; волосы всклокочены оттого, что ее руки наслаждались их густотой; пылающие от возбуждения и неудовлетворенного желания щеки.

Желания, не удовлетворенного ею.

В интимной жизни, Робин это определенно знала о себе, она не была эгоистична. Джил не мог упрекнуть ее в недостатке физического внимания к партнеру.

Но Робин не могла припомнить, чтобы она когда-либо так необузданно, так самозабвенно отвечала мужу.

— О чем ты думаешь? — хрипло спросил Чезаре, нарушая тишину.

— Что я впервые в жизни оказалась в таком неловком положении, — честно ответила она.

— Неловкое положение? — повторил Чезаре. Он немного отступил, глядя на нее: взлохмаченные волосы, сверкающие глаза, слегка распухшие от его поцелуев губы, напряженная после его ласк грудь и заметная свобода в руках и ногах, которая говорила о недавнем возбуждении и освобождении. — Ты прекрасна, Робин, — уверил он. — Так как мы фактически муж и жена, я хотел бы, чтобы ты меня так ненавидела каждую ночь всю нашу совместную жизнь.

— Вы уверены после... после этого... что я выйду за вас замуж? — она подняла с полу платье и прикрыла им свою обнаженную грудь.

Чезаре чувствовал — она снова готова вовлечь его в спор, но его неудовлетворенное тело так болело, что он не хотел и не мог отвечать.

Он наклонил голову:

— Предлагаю сказать вашему отцу, что мы поженимся, как только сможем получить разрешение.

— О, вы *предлагаете*, да? — саркастически переспросила Робин, натягивая и застегивая платье.

— Да, я *предлагаю*, — с нажимом повторил Чезаре, состояние тела не улучшало его настроение.

После случившегося они должны были бы отправиться в постель и закончить начатое. Но, судя по выражению лица Робин, этого не случится.

Не важно. Он сможет наслаждаться этой потрясающе чувственной женщиной до конца жизни. Несколько дней или недель можно и потерпеть; ожидание только сделает достижимое слаще...

— Во всяком случае, похвалите хотя бы мой нестандартный подход, Робин, — довольно мрачно выговорил он.

— У меня нет желания вас хвалить, — насмешливо ответила она.

— Даже то, какой я внимательный любовник?

— Очень опытный, вы хотите сказать? — Робин покраснела, вспомнив о своей реакции.

Может, она покраснела не только по этой причине? Возможно, она смущена тем, что не была внимательна к нему?

— У меня были другие отношения, как и у вас, — ответил Чезаре.

— У меня был лишь один мужчина, — поправила она. — Я никогда... То, что сейчас... Такого никогда не случалось, и не случилось бы... Я должна идти, — неожиданно почти беззвучно прошептала она.

Они планировали все иначе, но после происшедшего Чезаре не сопротивлялся ее уходу.

Ему, без сомнения, предстояла бессонная ночь.

Хотя ему осталось некоторое сладкое утешение — слова Робин о том, что у нее был единственный любовник — ее бывший муж.

Это был сюрприз, очень приятный сюрприз. Ее несдерживаемая реакция на его ласки позволяла ему думать, что Робин примет его как мужа значительно скорее, чем она сама считает.

— Хорошо, Робин, я не возражаю.

— Вы не можете разрешать или запрещать мне, Чезаре, — сердито сказала Робин. — Боже, какой вы самонадеянный человек. Ухожу, потому что хочу. И не думайте, что можете управлять мной с помощью физических удовольствий. Нет, не можете, — с неприязнью добавила она.

А Чезаре и не собирался. Нет, ведь физическое наслаждение, которое им случилось познать, не должно становиться оружием влияния, это для удовольствия.

Неужели Робин не знает — то, что она испытала сегодня, случается довольно редко. Многие женщины ни разу не испытали настоящего оргазма в объятиях любовника.

Нет, Чезаре определенно не собирался отказываться от дара, коим, несомненно, являлась Робин.

— Встретимся завтра, конечно, с вашего согласия, хорошо?

— На этот раз в ресторане.

— В ресторане, — невесело улыбнулся Чезаре. — Только не думайте, что можете управлять мной с помощью физических удовольствий, Робин.

Ее глаза расширились, она нахмурилась и вышла.

Чезаре слышал, как открылись и закрылись двери лифта.

Неважно.

Завтра будет ночь. И следующая ночь. И все остальные ночи до конца жизни...

— Так с кем ты вчера ужинала? — недоверчиво переспросил отец следующим утром, когда они завтракали.

— Ох, папа. Я же знаю — ты хорошо слышишь, и уверена, ты расслышал и в первый раз, — шутливо ответила Робин.

Хотя, если говорить точно, ужина не было, то есть они так и не поели. С внутренним смущением она вспоминала себя в объятиях Чезаре.

Ничего похожего она никогда не испытывала.

Физическая сторона ее брака с Джилом была вполне приятна, особенно вначале. Стало гораздо хуже, когда начались тесты, графики, измерения температуры, которые составляли часть их стараний произвести на свет ребенка, которого так ждал Джил. Ребенка, которого Робин тоже хотела...

А теперь у нее будет Марко, если их брак с Чезаре Гамбрелли состоится.

Теперь, когда она увидела Марко, она просто мечтала, чтобы он состоялся.

Утром она проснулась — слава богу, в своей постели, — ощутив радостное удовлетворение.

Робин понимала, причиной тому — акт любви с Чезаре.

И еще она понимала — когда она выйдет за Чезаре замуж, она станет его женой в полном смысле этого слова...

А главное, матерью Марко.

Как все изменилось за один вечер. Мысли о предстоящем замужестве, раньше приводившие ее в панику, теперь вызвали радость. Потому она и решила начать разговор с отцом о своих новых отношениях прямо за завтраком.

Чем скорее он узнает, тем раньше она сможет стать матерью этого прелестного ребенка.

Ее отец был ошеломлен новостью.

— Я... да... ты... но... Чезаре Гамбрелли? Я даже не знал, что вы знакомы, — удалось, наконец, выговорить ему.

— Ты сам знакомил нас на благотворительном обеде, помнишь? — мягко напомнила Робин.

— Да, но, — он потряс головой, — и когда же вы вновь встретились?

Робин слишком хорошо понимала — ее разговор с отцом должен быть очень деликатен, она должна подготовить встречу отца с Чезаре.

— Он зашел сюда пригласить меня поужинать с ним. Я согласилась.

— Он приходил сюда? — Чарлз побледнел.

— Разве нельзя? — стараясь держаться как ни в чем не бывало, спросила Робин.

— Наверное, я должен был поговорить с тобой об этом раньше. Мне в голову не приходило, что вы встретитесь *после* благотворительного обеда. Черт возьми, я *надеялся*, вы больше не встретитесь. Видишь ли, Робин, второй водитель в том несчастье с Симоном...

— Вторым водителем была Карла — младшая сестра Чезаре.

— Ты знаешь, — выдохнул отец.

— Мы с Чезаре говорили об этом.

— Вы говорили об этом? — повторил он.

— Пап, если ты будешь все за мной повторять, мы не продвинемся. Мы говорили с Чезаре о гибели Симона и Карлы, — вздохнула Робин. — Может, это и странно, но мы оба поверили, что нам суждено было встретиться...

Робин понимала — это беспардонная ложь, но она говорила так только ради того, чтобы убедить отца, что ее отношения с Чезаре — любовь, взаимное влечение, а не вендетта жестокого сицилийца.

Отец очень расстроился, узнав, что она встретилась с Чезаре Гамбрелли. Как же он себя почувствует, если узнает, что его любимую дочь принуждают выйти замуж?

И делает это именно Чезаре Гамбрелли...

Для Робин все изменилось после того, как она подержала на руках Марко, увидела его невинную детскую улыбку.

Признаться даже себе самой в том, что немаловажным фактором в изменении отношения к этому замужеству стало испытанное в объятиях Чезаре удовольствие, она отказывалась...

— Пап, разве плохо, если хоть что-то светлое станет следствием той трагедии, — умоляюще глядя на отца большими синими глазами, проговорила Робин.

Ей было стыдно пользоваться такими нечестными приемами — отец никогда не мог сопротивляться ее умоляющему взгляду.

Но все это во благо, чтобы не мучить его неприглядной, страшной правдой.

— Да, конечно, но... Но я послал тогда этому человеку письмо с соболезнованиями. Через неделю я получил от него конверт, внутри лежало мое письмо, разорванное на четыре части. Как будто нож в горло воткнул, — сморщился, как от боли, Чарлз.

Итак, Чезаре получил письмо ее отца и ответил. Его ответ можно истолковать как угрозу. Только так. Ничего удивительного, что отец просил ее держаться от Чезаре подальше.

Робин грустно улыбнулась:

— Может, Чезаре несколько... ммм... драматичен? Итальянец, горячая кровь... Но, уверяю тебя, его гнева больше нет.

— Ты в этом уверена?

— Абсолютно. Перестань хмуриться, пап, приготовься порадоваться за меня. Надеюсь на днях представить тебе Чезаре в качестве будущего зятя, — как можно веселее говорила Робин.

— Ты собираешься выйти за этого человека? — недоверчиво переспросил отец.

— Если он меня попросит, — кивнула Робин. — Я думаю, он попросит.

— Ты говорила, что больше не выйдешь замуж потому, что не можешь родить ребенка. Хотя я никогда не верил этому, — твердо сказал Чарлз.

— У Чезаре есть одно несомненное достоинство. У него уже есть наследник мужского пола. И ничего страшного, если я не смогу родить ему детей. Скрести за меня пальцы, па! — *Лучше не уточнять, кто этот наследник, и сменить тему.*

По виду Чарлза было ясно — он предпочел бы запереть ее дома, пока этот Чезаре Гамбрелли вообще не исчезнет из Лондона. Но...

— Будь осторожна, Робин. Я не уверен в чистоте его намерений, — угрюмо сказал он, погладив дочь по щеке.

— Ну конечно, пап, я буду осторожна. — Больно так обманывать любимого отца, но ей надо спасти «Ингрэм паблшинг» и скрыть от него цену, которую ей придется за это заплатить.

Робин не собиралась посвящать Чезаре в сложности объяснений с отцом, не собиралась она и упрощать и облегчать отношения с ним.

Они встретились в ресторане «Грегори», как и условились в коротком телефонном разговоре.

— Вы хорошо спали этой ночью? — спросил Чезаре, заказав шампанское и еду.

— Очень хорошо, спасибо, а вы?

Рискованный вопрос, подумал Чезаре. По темным кругам под глазами, по морщинам возле носа и губ любой бы заметил, что он не спал. Всю ночь. Ходил до утра по своему номеру, потом,

когда открылся гимнастический зал, пошел туда, чтобы сбросить напряжение, возникшее от крушения сексуальных ожиданий.

Робин, напротив, выглядела свежей, отдохнувшей и оживленной. Сиреневое платье гармонировало с цветом ее глаз, волосы свободно лежали на плечах, слегка подкрашенные губы выглядели призывно.

Так удивительно призывно, что Чезаре хотелось стащить все со стола, уложить Робин на этой поверхности и утонуть в ней!

— Не играйте со мной, Робин. У меня нет настроения, — мрачно и холодно сказал Чезаре.

— О боже, сексуальные неудачи не улучшают ваши манеры, — живо заметила девушка и, повернувшись к официанту, очаровательно улыбнулась ему.

Официант наливал Чезаре вино для пробы. Глотнув из бокала, Чезаре холодно сказал:

— Отдает пробкой. Принесите мне шестьдесят третья. И на сей раз правильной температуры.

— Да, сэр. Конечно, сэр, — официант, забрав бутылку и оба бокала, торопливо ушел.

— Это было довольно грубо, — мягко сказала Робин, когда они остались вдвоем.

Его глаза мрачно блеснули.

— Мы же выяснили, я не слишком воспитан.

Робин не помнила, чтобы они что-то подобное выясняли. Но с официантом он обошелся незаслуженно плохо.

— Я оставлю ему хорошие чаевые, если вам будет от этого легче.

— Дело не во мне. Вы были грубы не со мной, — ответила она, понимая, что он теряет контроль над собой.

— Возможно, я погорячился насчет того вина, которое вы принесли в первый раз, — спокойно сказал Чезаре вернувшемуся официанту.

Он понимал — с шампанским все было в порядке. Он отомстил официанту за то, что Робин ему тепло улыбнулась.

Ее улыбки, как и все, что ее касается, принадлежат ему!

Чезаре никогда не был собственником в отношениях со своими прежними любовницами. Эти отношения никогда не длились больше одного или двух месяцев. Как только он ощущал со стороны женщины некоторую серьезность намерений, он разрывал отношения.

Возможно, чувство собственности появилось оттого, что Робин должна стать его женой, а это исключительная ситуация, уверял он себя.

— Не так уж и трудно, правда? — спросила Робин, когда официант отошел.

— Я не потому извинился, что вы хотели этого. Просто я был невежлив и понял это.

Да, он не был вежлив, признала Робин. Но мало кто решился бы сказать ему то, что сказала она.

Принесли заказ, и они приступили к еде. Робин видела — большинство женщин в ресторане с восторгом смотрят на Чезаре и с завистью на нее. Чезаре выглядел очень эффектно.

— Чезаре, а наш брак, который вы предлагаете, будет отношениями только между нами или мне придется терпеть десятков ваших любовниц? — она вопросительно смотрела на него.

— А вас это взволновало бы?

— Никому не нравится, когда из него делают дурака. Я просто решила, нам лучше заранее обсудить... некоторые условия.

Чезаре мрачно задумался. Если у него будут отношения на стороне, то Робин решит, что она вольна тоже завести одного или нескольких любовников. Но он никогда не делил ни с кем любовниц, тем более, не станет делить жену.

— Никаких любовниц, Робин, — пообещал он. — Не понимаю, зачем мне это, если дома меня будет ждать желанная жена. Не думаете ли вы, что нам лучше заняться едой сейчас, чтобы не страдать несварением? Думаю, вчера мы оба этим страдали.

— Я уже сказала вам — я прекрасно спала этой ночью.

Чезаре несколько долгих секунд пристально смотрел на Робин. Она казалась спокойной и не отводила глаз.

— Я должен предупредить вас. Мне очень хочется заняться любовью с вами прямо на этом столе! — прорычал Чезаре сквозь зубы.

Ее глаза несколько секунд оставались прикрытыми ресницами, словно олень, замерший в ярком свете фар. Их сексуальное влечение было так сильно, что его можно потрогать руками.

— Хорошо, вижу, мы понимаем друг друга. Может, нам все же поесть? Как вы считаете? — добавил он, уже зная, как она воспринимает все, что ей кажется похожим на приказ.

Рука Робин дрожала, когда, взяв вилку, она отломил кусочек семги. Она не замечала тончайшего вкуса любимого блюда, потому что сексуальное напряжение вновь пронзило все ее тело.

Никогда ни один мужчина не значил для нее так много, как Чезаре.

Что же это?

Может, она одна из тех женщин, которые страдают от сексуального голода после распада брака? Особенно теперь, когда она узнала, какой сказочный любовник Чезаре...

— Я говорила с папой сегодня утром, — рискнула сказать она, когда они наконец покончили с первым блюдом.

— И что вы сказали?

— Я сказала, что вы меня изнасиловали вчера, и теперь я *должна* выйти за вас замуж. Как вы *думаете*, что я сказала?

— Вы могли раскрыть ему мои намерения относительно «Ингрэм пабблишинг», — мужчина пожал плечами.

— После всех моих усилий скрыть это от него?

— Усилий? — повторил Чезаре угрожающе спокойным голосом.

Робин покраснела, понимая — он имеет в виду вчерашний вечер.

— Я сказала папе, что мы дважды виделись с тех пор, как он нас познакомил. И что, когда... и если вы предложите мне стать вашей женой, я приму предложение.

— И как Чарлз воспринял перспективу иметь такого зятя?

— Плохо. Но он изменит свое мнение, — доверительно добавила Робин.

— Восхищен вашим оптимизмом.

Невозможно не восхищаться этой женщиной, думал Чезаре. Его угрозы мучительны для нее, но у нее хватило сил и выдержки начать обсуждать с отцом свои отношения с Чезаре. Понятно, как это было непросто.

— Если бы вы не возвращали письмо отца так... агрессивно... — тихо добавила Робин.

Побелевшие губы Чезаре сжались в тонкую линию.

— Прошел только месяце момента гибели моей сестры. Я ни к кому... не относился... хорошо, а уж к членам семьи Ингрэм...

В тот момент Чезаре жаждал крови. Карла ушла, навсегда ушла от него, Марко остался сиротой. Чезаре до сих пор не оставил надежду разыскать человека, покинувшего Карлу в тот момент, когда она больше всего нуждалась в нем. Чезаре нанял частного детектива, чтобы выяснить, кто был любовником сестры пятнадцать месяцев назад. Он, Чезаре, найдет отца Марко, и тогда...

— Мой отец и я, мы тоже страдали, — хрипло напомнила ему Робин.

Да, теперь он это понимал. Он понимал, что Робин и ее отец все еще любили испорченного, безвольного человека, каким сделался Симон Ингрэм. Что его смерть стала для них не меньшей трагедией, чем для него — потеря Карлы.

Но его понимание не меняло ровно ничего.

Его планы жениться на Робин не изменились.

Точнее, прошлым вечером Чезаре принял окончательное решение непременно сделать это!

Глава седьмая

— Не думаю, что это правильно, — сказала Робин Чезаре, когда они после ужина поднимались в частном лифте в его номер.

Он насмешливо посмотрел на нее, прислонясь к противоположной стене лифта:

— Испугались, Робин?

— Вас? Нет, — заявила она, с силой сжимая вечернюю сумочку.

Не он пугал ее, она боялась себя, своей собственной реакции на него.

— Не уверена, что мой отец готов к тому, чтобы я осталась у вас на ночь.

— Но вам же двадцать семь.

— Но я живу в его доме, — ответила Робин.

Чезаре пожал плечами, подвинувшись, чтобы выпустить ее из лифта:

— Вы еще можете передумать.

Да, она могла, ведь она еще не звонила отцу, и не говорила, что не вернется домой на ночь. Но, еще не зная, где именно в этом огромном номере Чезаре предложит ей провести ночь — и предложит ли, — Робин не хотела передумывать.

А вдруг она увидит Марко? Вдруг ей посчастливится подержать его на руках, чего ей почти болезненно хотелось со вчерашнего вечера.

— Если вас это не обидит, Робин, я не хочу этого... Мне кажется, нам... лучше спать в разных спальнях. Няня Марко здесь, и, поскольку я хочу, чтобы мы поженились, ну... Это неправильно. Но видеть облегчение на вашем лице мне как мужчине неприятно.

Облегчение? Может быть. Но не по той причине, которую счит очевидной Чезаре. Ей казалось непристойным так бурно и охотно откликаться на ласки человека, который принуждает ее выходить за него замуж из мести ее семье.

— Я радуюсь, что вам не придется проводить вторую бессонную ночь, — с приторно сладкой улыбкой сказала Робин.

Чезаре с восторгом взглянул на нее — ее неискренность его несколько не одурачила.

— До сна еще много времени, Робин. Мало ли что может случиться, — отметил он, вознагражденный краской смущения на ее лице. — Налюбуемся бренди, пока вы будете звонить отцу, — он пошел в гостиную, чтобы не мешать ее разговору с отцом.

Если бы он был ее отцом — слава богу, это не так! — он был бы не безразличен к выбору его любовника.

Вернувшись, она огорченно сообщила, что говорила с дворецким, и он сказал, что отец в этот вечер выглядел усталым и лег пораньше.

— Думаете, есть причина для беспокойства? — хмурясь, спросил Чезаре.

Робин рассердилась.

— Не притворяйтесь, что вас это беспокоит, — с вызовом сказала она, — не далее как вчера вы собирались разрушить папину компанию. Это могло убить его, но вчера вас это вполне устраивало! — она почти выкрикивала обвинения.

— Разве я виновен в плохом состоянии здоровья вашего отца? — лицо Чезаре потемнело, между бровями появилась морщинка.

Робин не могла отрицать, что причиной болезни отца было постоянное беспокойство о Симоне. Потом его смерть. Да и ее развод Чарлз воспринял с болью.

Тем более надо скрыть от отца планы Чезаре относительно «Ингрэм пাবলিশিং».

— Я обдумываю, как вернуть пакет акций после свадьбы, чтобы папа не узнал, что они уходили из семьи.

— Не беспокойтесь об этом, Робин, — самоуверенно сказал Чезаре.

— Я очень *беспокоюсь*, Чезаре. Я поэтому и решила выйти за вас замуж, чтобы отец не знал о том, что Симон проиграл акции.

— Пожертвовали собой, хотите сказать, — иронически заметил Чезаре.

— Не говорите за меня, — возмутилась Робин. — Если бы я хотела сказать «пожертвовала», я бы так и сказала, уверяю вас!

Да, в этом Чезаре был уверен. Искренность Робин восхищала его больше всего.

— Ваш отец может не узнать, откуда взялись акции. Симон продал их хозяину казино, а я у него их выкупил через своего брокера, мое имя нигде не фигурирует. Вы получите их в день нашей свадьбы, а пока можете уничтожить все свидетельства того, что они уходили из семьи.

— Вы все рассчитали, да?

Вовсе нет. Он не знал о Робин. Он не был готов к этому. К Робин. К тому, что будет желать ее каждую минуту.

Как сейчас!

— По-моему, нам пора разойтись по спальням, — вдруг объявил Чезаре. — У меня утром деловые встречи, мне нужно почитать бумаги перед сном.

Робин поразило это неожиданное и резкое завершение вечера. Она ожидала, что перед тем, как они разойдутся, будут такие же, как накануне, ласки.

Неужели она разочарована тем, что Чезаре не захотел этого?

Нет, ну конечно нет!

Или?

Ну... Если только совсем чуть-чуть.

Очень глупо. Ведь это не любовь, он вынудил меня принять предложение.

— Какой спальней мне воспользоваться?

— Я предпочел бы, чтобы вы заняли соседнюю с моей, но боюсь, это может быть неправильно истолковано.

Кем? Мною? Няней Марко?

Неважно. Правда в том, что она может провести бессонную ночь, представляя себе голого Чезаре за стеной. И утром будет так же раздражена, как вчера вечером Чезаре!

— Целомудренный поцелуй на ночь? — насмешливо пробормотал Чезаре, наблюдая за игрой чувств на лице Робин.

Неприступная Робин Ингрэм определенно хочет меня!

Мужчина удовлетворенно улынулся. Ему было легче перенести грядущее разочарование теперь, когда он знал, что и она мучается тем же.

— Целомудренный поцелуй на ночь! — повторила она. — Нет уж, спасибо. Обойдусь. Скажите, куда идти, я найду сама...

— Не будьте ребенком, Робин, — мягко проворчал Чезаре, подходя к ней.

— Я же сказала, не надо мне целомудренных поцелуев, благодарю! — сверкнула она глазами.

— Я хотел проводить гостью в спальню. — Смущенный румянец Робин опять порадовал его.

— Гостья, Чезаре? — недоверчиво повторила она. — Мне трудно называть себя так.

— Но сегодня это именно так.

— Замечательно.

Совсем не замечательно. Далеко не замечательно. Но сегодня Чезаре не мог поступить иначе.

Няня Марко, Катриона, приехавшая из его родной Сицилии, была с Марко с момента рождения. Чезаре хотел побывать на Сицилии с Робин и Марко, поэтому он старался избежать любых сплетен, которые могли бы испортить репутацию его жены. Именно по этой причине, для Катрионы, до свадьбы они должны ночевать в разных спальнях.

— Поцелую не обязательно быть уж очень целомудренным, — гортанно предложил Чезаре, стоя рядом с ней в одной из четырех спален пентхауса.

— Поцелуй либо целомудренный, либо нет. Я не знаю, какие бывают степени целомудрия. — Дурное настроение Робин исчезало: она видела, как темнеют его глаза, как он жадно смотрит на ее губы.

Но ведь он прав — не надо, чтобы няня Марко видела их вместе в такой ситуации! А она-то думала, что Чезаре мстит ей за свою прошлую бессонную ночь.

— Вы правы, Чезаре, не стоит нам сегодня спать вместе.

— Никто не сказал — спать, — торопливо ответил Чезаре.

Робин мягко улыбнулась и слегка толкнула его в грудь. Он немного отступил и оказался за дверь, которую она быстро закрыла...

Робин проснулась, совершенно не понимая, где она находится. Несколько секунд ушло на то,

чтобы понять, что она в спальне номера Чезаре. На улице было темно.

Видимо, середина ночи. Что-то разбудило ее...

Звук повторился, и Робин поняла — этот незнакомый звук издает ребенок.

Марко!

Робин прислушалась. Звук повторился.

Почему же няня не подходит к нему?

Робин надела трусики и платье, и без чулок и туфель пошла к комнате Марко.

Мальчик, похоже, не кричал, а разговаривал.

Сам с собой или там есть кто-то еще?

Другого голоса Робин не слышала.

Может, Катриона молча успокаивает его?

Открыв дверь, Робин увидела Марко в свете настенного ночника. Заметив ее в дверях, малыш заулыбался и стал объяснять что-то на языке, понятном только ему.

— Шшш, детка, ты всех разбудишь, — говорила Робин, подходя к кроватке мальчика. — Не поспать ли тебе, малыш?

Можно ли взять его на руки?

Робин очень хотелось этого, но вдруг Чезаре будет против?

Все-таки возьму его на руки!

Она подняла ребенка, прижала к себе это тепленькое тельце, уткнулась лицом в нежную, чудесную шейку, пахнущую детским мылом и тальком. Марко смеялся, ее дыхание щекотало его.

Если она выйдет замуж за Чезаре, Марко будет ее. Ее собственное любимое дитя. Ее сын!

Марко с удовольствием снова трогал ее волосы — наверное, ему нравился цвет, — крутил их пальцами. Ему нравилось сидеть у нее на руках, он что-то рассказывал ей на своем личном наречии.

Робин не знала, сколько времени она провела так, держа Марко на коленях, беседуя с ним, дую ему в шейку. Время ничего не значило.

Но вот мальчик устал и заснул у нее на плече. Робин тихонько сидела, боясь шевельнуться. По щекам ее текли слезы. Может, она заснула на какое-то время, потому что когда она пришла в себя, за окном уже рассвело.

Нельзя, чтобы ее нашли здесь. Чезаре никак не должен узнать, как ей дорог Марко.

Она перенесла ребенка в кроватку, укрыла его и задержалась, любуясь прелестным личиком.

Я слишком много думаю о Чезаре. Но пока эти злосчастные акции не окажутся в моих руках, мне придется быть осторожной.

— Что вы здесь делаете?

Робин вздрогнула. Она не прикрыла за собой дверь, поэтому Чезаре появился бесшумно.

Он выглядел угрожающе. Наверное, он подозревал, что ее пребывание в этой комнате не так уж невинно.

— Мне показалось, Марко плакал, — спокойно ответила она.

Чезаре испытующе взглянул на нее, заметил ее бледность, круги под глазами, упрямо сжатые губы.

Он встал как обычно, в семь, чтобы принять душ, побриться, одеться к половине восьмого, к тому времени, когда проснется Марко.

Он всегда завтракал с племянником, перед тем как уйти на деловые встречи.

Но он никак не ожидал увидеть в детской Робин!

Он был уверен, что она не любит детей.

— Не бойтесь, Робин, у вас будет время познакомиться с Марко, когда мы поженимся, — язвительно сказал он.

— Я не боюсь ни вас, ни вашего племянника.

Он совсем не хотел, чтобы она боялась.

И то, что он видел в ее глазах, когда она выходила из комнаты Марко, было несколько не похоже на страх...

Может, она боится не справиться с малышом?

— Я собираюсь оставить Катриону, когда мы поженимся, — заявил он.

Теперь настала очередь Робин удивляться. Ведь он говорил ей, что она будет все делать для Марко, для ребенка Карлы, оставшегося без матери. Это ведь часть наказания, часть кровной мести.

Боится доверить мне Марко?

Возмутительно! Да как он посмел предположить...

Да она волоску не даст упасть с этой дорогой головки!

— Вы, конечно, со свойственной вам заносчивостью можете решать, но это не значит, что я стану подчиняться вашим решениям. Сейчас я собираюсь уйти. Что вы делаете? — Чезаре внезапно схватил ее за руку.

Он повернул Робин лицом к себе и теперь смотрел на нее потемневшими глазами.

— Вы говорите, я заносчив?

— Да вы самый заносчивый человек, какого я имела несчастье встречать.

Его лицо исказила гримаса.

— Имели несчастье, Робин? — мягко спросил он.

— Ну, не думаете же вы, что я захотела стать вашей женой из-за всех этих поцелуев? Если так, то уверяю вас, вы сильно переоцениваете ваши возможности убеждать!

Какой заносчивый, какой самонадеянный тип!

Какой ужасный нахал!

Некоторое время Чезаре смотрел на нее, потом отпустил ее руку и отошел.

— Я жалею, что наше бракосочетание откладывается. Но я очень ценю вашу близость с отцом.

— Должны ценить, только поэтому я здесь!

Его лицо потемнело.

— На вашем месте я бы поостерегся, Робин.

— Или что?

— Вы опять меня провоцируете. Но в этот раз я проигнорирую ваши провокации. Вечером я приду в дом вашего отца, и мы обсудим дату нашей свадьбы.

— Мне двадцать семь и я разведена. Вам не кажется, что просить у моего отца моей руки несколько неуместно?

— Я не собирался просить что-нибудь у вашего отца. Я хотел *сказать* о нашей свадьбе и *спросить*, когда это удобнее сделать.

— Прежде чем спрашивать моего отца, может, стоит спросить меня, согласна ли я выйти за вас замуж? Или вы считаете, что у вас все под контролем и мое согласие неизбежно?

— А разве нет?

Робин была так зла, что с удовольствием дала бы ему пощечину.

Да к тому же он застал меня в комнате Марко.

— О, я выйду за вас замуж, Чезаре! Но только затем, чтобы сделать вашу жизнь такой же ужасной, какой вы сделали мою! — она тяжело дышала от гневного возбуждения.

Чезаре смотрел, как вздымается ее грудь, понимая, что она без бюстгальтера. Ноги босые — значит, на ней только трусики и платье. Как же ему хотелось сорвать с нее все и овладеть ею со страстью, которую он был почти не в состоянии контролировать.

Почти.

Он никогда не применял силу в отношении женщин, тем более не собирался начинать с Робин.

Как бы она меня ни провоцировала.

Кроме того, она сказала, что выйдет за меня...

— Интересно, что вы будете делать, если мой отец посоветует нам не торопиться со свадьбой, получше узнать друг друга?

— Но вы провели эту ночь со мной, а это означает, что мы достаточно знаем друг друга. К тому же, если вы убедите его в своих чувствах ко мне, он будет рад принять ваше решение.

— Мои чувства к вам, Чезаре?

Мужчина невесело улыбнулся:

— Вы же не станете говорить ему, что испытываете по отношению ко мне скорее ненависть, чем любовь!

Ненавидит ли она этого человека? Робин задавала себе этот вопрос. Разве такое возможно: ненавидеть мужчину и испытывать такое невероятное удовольствие в его объятьях, от его ласк?

Похоже, невозможно...

Хотя, может, Чезаре возненавидит *ее*, когда узнает, что она не может родить маленьких Гамбрелли, а он, очевидно, настроен на это.

Но сказать ему правду до того, как доля акций «Ингрэм паблишинг» окажется в ее руках, она не рискнет!

Правда, после вчерашней ночи у Робин появилась еще одна причина хранить молчание.

Марко...

Она полюбила его, он врос в ее сердце. Больно думать, что ей придется расстаться с ним. А это случится, когда Чезаре узнает, что она не даст ему больше детей и раздумает жениться на ней.

Не очень честно скрывать от него свое бесплодие, но ведь и его желание жениться на ней продиктовано отнюдь не любовью.

— Скажу папе, что вы придете вечером.

— Так вы уверены в своем решении вступить со мной в брак?

— Я уверена, что сделаю это, — поправила она. — Была бы возможность получить акции другим образом, поверьте, я бы за вас не выходила, — солгала она.

Марко...

Чезаре скривил рот:

— Какая жалость, что другого пути нет...

— Пожалейте себя. Вы хотите жениться на женщине, которая вас не любит. А теперь прошу прощения. Мне надо домой, переодеться и идти на работу. Что *теперь*, Чезаре? — спросила

она, увидев, как он опять нахмурился.

— Вы оставите работу в «Ингрэм паблишинг», когда мы поженимся.

— Ни в коем случае! Я нужна отцу и останусь с ним.

— Нам с Марко вы тоже нужны.

— Вы оба прекрасно обходились без меня.

Как она упряма, эта женщина, на которой он хочет жениться. Потрясающе красива, но упряма. Желанна, но упряма. Предана своей семье, но ох как упряма.

— Обсудим после свадьбы. — Маленький компромисс с его стороны.

— Нет, сейчас. Я не хочу быть домашней женой. Ни за что!

— У вас есть ваша благотворительность.

— Этого мало, Чезаре.

— Будет Марко.

— Вы мне сказали, что с Марко останется Катриона, она великолепно справляется!

— Найду ей другую работу.

В намерения Чезаре не входило, чтобы Робин осталась работать в «Ингрэм паблишинг».

Ему приходилось часто ездить по делам, он хотел, чтобы Робин и Марко сопровождали его. Если она продолжит работу у отца, это будет невозможно.

С его точки зрения, здесь и обсуждать нечего.

Поглядывая на Чезаре из-под опущенных ресниц, Робин размышляла: понимает ли он, что это ровно то, о чем она мечтает?

— Ваше решение не подлежит обсуждению? — спросила она с притворным недовольством.

— Абсолютно и окончательно, — твердо ответил он.

— Тогда у меня нет выбора, — сдалась она. — Но мне пора. До свидания, — и вышла, улыбаясь в душе.

Со мной будет Марко, будет каждый день!!!

Она могла бы полюбить Чезаре, ведь он дает ей именно то, о чем она мечтает.

Любить Чезаре?..

Нет, невозможно, такой самонадеянный человек.

Физически желать — да.

Но не любить...

Глава восьмая

— Катриона сказала мне, что хочет вернуться на Сицилию после окончания нашего медового месяца.

Чезаре сообщил это Робин сразу, как только вошел в дом Ингрэмов.

— Вы уже говорили с ней?

— Пожалуй, нет. Она говорила со мной. Ее сестра недавно родила девочку, и Катриона хочет помянуть племянницу.

— Медовый месяц? Кто сказал, что будет медовый месяц?

— Как у всех после свадьбы, разве нет?

У всех нормальных людей — да, но их свадьбу никак нельзя назвать традиционной.

— Я не понимаю, какая в этом нужда?

— От нас этого ждут, — твердо сказал он.

— Кто?

— Например, ваш отец. Кстати, я думал, он будет здесь вечером, — Чезаре нахмурился, заметив, что Чарлза нет в комнате.

Для него это был трудный и длинный день. Деловые встречи затянулись, а его мысли обращались к Робин чаще, чем ему того хотелось бы.

Она опять выглядела изумительно. Кремовое платье очень удачно сочеталось с цветом ее кожи и рассыпавшихся по плечам волос. Обнаженные руки, длинные ноги в шелковых чулках. Теперь Чезаре знал, что она любила чулки, а не эти ужасные колготки, которые он считал крайне несексуальными.

Много раз на дню эти длинные ноги в чулках вставали перед его глазами, нежнейшая кожа бедер выше чулок, шелковый треугольник, который ему так нравилось ласкать, ее вкус... Чезаре вспоминалось, как он взял в рот ее сосок и привел ее к сотрясающему освобождению.

Эти мысли и сейчас заставляли до боли напрягаться все его тело!

Да, он собирался провести с Робин где-нибудь медовый месяц. Да, ему хотелось побыть с ней вдвоем, только вдвоем, чтобы вместе, не спеша, испытать все сексуальные радости и удовольствия!

— Папа в кабинете говорит по телефону, он придет через пару минут, — извинилась Робин. — Хотите выпить что-нибудь, пока мы ждем? — она указала на барную стойку.

Выпить? Он хотел закончить все это, остаться вдвоем с Робин и заниматься с ней любовью.

— Виски, если можно, — сказал он и, усевшись в кресло, стал наблюдать, как она наливает ему напиток.

Какие тонкие, изящные, чувственные пальцы. Он желал, чтобы эти пальцы ласкали его тело,

так сильно желал, что все, абсолютно все остальное вызывало его раздражение.

Когда они закончат встречу с ее отцом, он поедет с Робин к себе в отель и будет любить ее.

И, черт возьми, пусть Катриона думает, что хочет!

Чезаре казался в этот вечер каким-то растерянным. Робин заметила это, передавая ему виски. Их молчание было особенно напряженным.

— Вы захотели прийти сюда, Чезаре, — сухо напомнила она.

— Я несколько не озабочен возможной реакцией вашего отца на наши планы пожениться как можно быстрее, если вы это имеете в виду, Робин.

Нет, этому человеку с его богатством и властью немногие решились бы сказать «нет».

Включая ее саму...

А еще у этого человека акции «Ингрэм паблшинг»...

— Я бы не чувствовала себя так уверенно на вашем месте, Чезаре. Для моего отца богатство человека значит очень мало, когда речь идет о замужестве его единственной дочери.

Конечно, Джил тоже был достаточно богат, и вот — такой неудачный брак!

— А для вас, Робин? — Чезаре поставил на столик нетронутый стакан виски. — Что для вас важно в муже?

Он встал, сделал два шага и оказался прямо перед ней.

Робин почувствовала легкое волнение. Его смуглое красивое лицо было так близко, а темные глаза спокойно и прямо смотрели на нее.

Девушка судорожно вздохнула. Она ощущала тепло его тела, знала силу мускулов под белой шелковой рубашкой.

Робин покачала головой:

— Вопрос ведь не только в нас, Чезаре?

— Нет?

Он прикоснулся рукой к основанию ее шеи, там, где билась жилка.

— Вы опять возбуждены, Робин, — пробормотал он с удовлетворением.

— Я...

— У вас усилился пульс, — не обращая внимания на протесты, он провел пальцем по ее подбородку, не отрывая горящего взгляда от губ, затем опустил глаза. — У вас напряглись соски, это видно под платьем, — удовлетворенно сообщил он. — И вы хотите поцеловать меня, — он погладил ее губы пальцем и тут же прижался к ним своими.

Да, ей очень хотелось поцеловать его. Робин не могла отрицать этого. Она прижалась к нему

всем телом, руки поднялись к его плечам, пальцы утонули в густых волосах.

У нее не было объяснения безумию, овладевавшему ею в его руках. Сопротивляться этому не было ни воли, ни сил. И сейчас, когда он целовал ее, медленно забирая своими губами ее нижнюю губу, потом верхнюю, трогая языком ее язык, — все ее тело словно пронзало электрическим током. Она гортанно застонала...

— Может, мне заглянуть сюда позже?

Робин отшатнулась, услышав голос отца. Она бросила обвиняющий взгляд на Чезаре: он целовал ее сейчас с единственной целью — хотел, чтобы Чарлз застиг их за этим занятием. Но лицо Чезаре ничего не выражало.

— Пап, — Робин пошла к отцу через комнату. Ее ноги дрожали. — Думаю, нет нужды знакомить вас, да?

— Гамбрелли, — кратко сказал Чарлз, протягивая руку.

— Ингрэм, — также кратко ответил Чезаре, пожимая протянутую ему руку.

Держа Робин в своих объятьях, он забыл о том, что может войти ее отец, он забыл все — где он и зачем!

Робин попробовала пошутить:

— Я хочу, чтобы вы оба разошлись по своим углам и только после свистка возобновили бой!

Чарлз Ингрэм не обратил внимания на эту жалкую попытку. Он пристально смотрел на Чезаре.

Молчаливое сражение, чья воля сильнее, подумал Чезаре, вопреки собственному желанию испытывая уважение к этому человеку, отцу Робин.

Но Чарлз был и отцом Симона Ингрэма — человека, которого Чезаре считал виновным в гибели сестры.

— Похоже, ваш отец не оценил ваш юмор, Робин, — скуповато выговорил Чезаре.

— А вы оценили мой юмор, Чезаре? — Робин хотелось ослабить напряжение.

Чезаре, прищурившись, еще некоторое время не отводил взгляда от Чарлза, потом повернулся к Робин, намеренно смягчив выражение лица. Он улыбнулся ей.

— Я ценю все, что исходит от вас, Робин, — шутливо сказал он.

Девушка заметно покраснела.

— Ну да, конечно, — сухо ответила она. — Пап, Чезаре пришел сегодня сюда, чтобы спокойно обсудить наши планы и все вопросы, связанные с нашей свадьбой. Когда предполагается свадьба, Чезаре?

Чезаре видел, как нахмурился Чарлз Ингрэм. Вопреки прежним договоренностям Робин усилила напряженность между двумя мужчинами. Чезаре это не слишком беспокоило, но он не понимал, что он такого сделал. Она чуть не раскрыла несогласия между ними, хотя намеревалась держать это в секрете от отца...

— Вам решать, Робин, — спокойно и вежливо произнес Чезаре.

— Разве? — насмешливо и с тем же непонятным безрассудством произнесла она.

Губы Чезаре сжались.

— В ближайшие несколько недель.

— Несколько *недель*? — воскликнул Чарлз Ингрэм и недоуменно взглянул на дочь.

Чезаре кивнул.

Для Робин это стало новостью. Но, собственно, почему? Чезаре сказал же ей утром, что устал ждать...

Мысли о таком скором браке повергли Робин во власть противоречивых эмоций. Все свои надежды на счастье она связывала с Марко, эта была очень светлая сторона предстоящего события... Но одновременно она станет женой Чезаре, женой, к которой он не чувствует ничего, кроме презрения.

Хотя... Это, пожалуй, не вполне так. Чезаре, несомненно, желает ее.

Как и она желает его.

Но сейчас она была зла на него за то, что он так *возбудил* ее в тот момент, когда должен был войти отец. Она полагала, Чезаре сделал это вполне сознательно. Он использовал ее физическое влечение к нему против нее самой.

— Это нелепо! — воскликнул ее отец. — Вы же знакомы всего несколько дней...

— Иногда больше и не требуется, — спокойно ответил Чезаре.

— Робин... — взволнованно повернулся к ней отец.

У нее заболело сердце при виде явного недоумения на его лице. Она понимала его беспокойство. Но что она могла сказать ему, чтобы его успокоить? Только не правду.

— Иногда больше и не нужно, пап, — грустно повторила она слова Чезаре.

— Но...

— Я понимаю ваше замешательство, Чарлз, — очень учтиво сказал Чезаре, — но Робин взрослая женщина, достаточно взрослая, чтобы принимать решения о своем будущем.

— И делать свои собственные ошибки, — нетерпеливо вставил отец.

У Робин перехватило дыхание, когда она увидела, как Чезаре смотрит на ее отца в своей заносчивой, самоуверенной манере. Это заставило ее вспомнить, что он лишь играет роль ради нее. На самом деле ему глубоко безразличны ее чувства и уж тем более чувства ее отца.

— Мое замужество не будет ошибкой на этот раз, пап, поверь мне, — она подошла к Чезаре и встала рядом с ним, не касаясь его. — Мы любим друг друга. Мы хотим пожениться как можно скорее. И мы... Я прошу твоего благословения, — она смотрела на отца таким же умоляющим взглядом, каким несколько секунд назад смотрел на нее он.

— С вашим благословением или без него мы намерены пожениться, — решительно заявил Чезаре.

Мельком взглянув на него, Робин поняла — он вот-вот потеряет контроль над собой, что ему совсем не свойственно.

Возможно, ему не нравилось ее поведение. Но ей в свою очередь не нравилось, когда ею манипулируют!

Чезаре только тем и занимался, что манипулировал ею — с того самого момента, когда он появился в этом доме два дня назад и огласил свои требования.

— Если так, то у меня нет выбора, не так ли? — устало сказал Чарлз. — Если ты, Робин, действительно хочешь этого, я желаю вам счастья.

Робин было стыдно и больно лгать отцу, но выбора действительно не было. Известие о том, что Симон проиграл свою долю в «Ингрэм паблишинг», ранило бы Чарлза куда больнее, чем этот импульсивный брак его дочери.

— Да, я хочу за него замуж, пап, — спокойно произнесла она.

Слушая разговор отца и дочери, Чезаре неожиданно для себя впал в задумчивость.

Он не мог понять, почему его так взволновала эта сцена. Разве он не использовал глубокую любовь между отцом и дочерью для того, чтобы принудить Робин к браку?

— Я позвоню Камерону, чтобы принес шампанское...

— Боюсь, мы с Робин должны уйти, у нас еще кое-что запланировано, — Чезаре чувствовал на себе удивленный взгляд Робин, но продолжал неотрывно смотреть на Чарлза. — Нам еще очень многое надо обсудить, — смягчая тон, добавил он.

— Да, конечно, — с усилием согласился Чарлз. — Я... Ты вернешься сегодня домой, Робин? — вежливо спросил он.

— Я...

— Нет, не вернется, — твердо сказал Чезаре.

— Понимаю, — лицо Чарлза стало еще грустнее. — В таком случае я поговорю с тобой завтра, Робин, — ласково сказал он дочери.

У Чезаре не было никаких сомнений относительно того, о чем Чарлз собирается говорить с Робин.

— Непременно надо было быть таким... таким неуступчивым? — спросила Робин, как только они уселись в спортивный автомобиль Чезаре — раньше такими машинами Робин могла полюбоваться только в очень дорогих автосалонах.

— Я не видел особого смысла создавать у Чарлза впечатление, что у нас есть какие-то неясности касательно сроков свадьбы, — неопределенно пожал плечами Чезаре.

Возможно, и так. Но бедный папа, он выглядел таким растерянным, когда они уходили.

Конечно, его ошеломила поспешность, с которой они приняли решение прожить оставшуюся им жизнь вместе.

О боже...

Ее сердце упало, ладони стали влажными от одной мысли об этом замужестве, не говоря уже о том, чтобы провести с Чезаре всю, всю жизнь до самого конца. Он абсолютно не похож на Джилу. У того были безупречные манеры и предупредительность, доходившая до того, что он спрашивал согласия Робин, прежде чем заняться с ней любовью. Довольно раздражающая особенность, но будь у Чезаре поменьше самоуверенности и напора — было бы очень славно.

Славно?

Звучит смешно, так непохоже на Чезаре.

Тяжело вздохнув, Робин откинулась на спинку сиденья.

Бессмысленно обсуждать с Чезаре его поведение.

— А что там у нас запланировано? — раздраженно спросила она.

Чезаре не ответил, только взглянул на нее искоса. Этот взгляд сверкнул в полутьме автомобиля. Взгляд, от которого у нее запылали щеки и учащенно забилось сердце.

Она с трудом перевела дыхание.

— Я думала, мы не должны спать в одной спальне до свадьбы, потому что Катриона здесь? — напомнила она.

Чезаре казался невозмутимым.

— Я решил, что меня больше не волнуют впечатления Катрионы.

— А если меня волнуют?

— Придется вам преодолеть себя.

Резерв жертвенности Чезаре исчерпался. Он хотел Робин, хотел с такой страстью, от которой стонало все его тело.

Робин враждебно посмотрела на него:

— А если я не в настроении изображать сегодня покорную женщину?

Ясно, она опять старается спровоцировать спор. Ну, к несчастью для нее, она выбрала неправильный способ.

— Покорность — последнее, чего я жду от вас, Робин. Я желал бы, чтобы вы царапались, кусались и стонали — в экстазе, конечно, — улыбаясь одними губами, сухо сказал Чезаре.

— Это пока вы не знаете, куда я вас ударю.

Чезаре чуть не рассмеялся. Да уж, покорная женщина, ха! Чего-чего, но покорность... Она совершенно несвойственна Робин.

— Так или иначе, мужчина и женщина могут получить удовольствие разными способами.

Бросив на него беглый взгляд, Робин отвернулась и стала смотреть в окно.

Ей удалось бы изобразить безразличие, если бы не слишком громкое, возбужденное дыхание, если бы ее грудь не вздымалась и не опускалась так быстро.

Чезаре, улыбаясь, вдавил в пол педаль газа. Предвкушение желанной близости увеличивало его нетерпение с каждой секундой, а когда он парковал машину в подземной стоянке отеля «Гамбрелли», оно стало почти невыносимым. Чезаре выскочил из автомобиля и обежал его, чтобы открыть Робин дверь. Он не мог больше ждать, ему нужно было по крайней мере почувствовать *ее вкус*.

И он прижался к ее губам.

Это не был мягкий и легкий поцелуй. Губы Робин раскрылись под напором его бешеной атаки, ее тело прижалось к его, руки оказались в его волосах. Она ответила на поцелуй с таким голодом, при котором ни о каком контроле над собой не могло быть и речи.

Поцелуй становился все сильнее и глубже, переплелись их языки, он все сильнее прижимал ее к автомобилю. Поцелуй приобрел некоторый ритм, в этом же ритме начали согласно двигаться их бедра, пока, наконец, Чезаре не почувствовал, что он должен овладеть ею немедленно, утонуть в сейчас же, иначе желание разорвет его.

Не прерывая поцелуя, он задрал ее платье и сдвинул трусики. Его пальцы нашли центр ее удовольствия и начали ласкать, вызывая спазмы, сотрясавшие ее тело.

Робин с усилием отстранилась от него.

— Не здесь, Чезаре! — выдохнула она, дрожа от возбуждения. — Мы не можем здесь заниматься любовью, — слабо протестовала она.

Чезаре посмотрел на нее, глаза его в этот момент были абсолютно черны, на щеках играл чувственный румянец.

— Я хочу тебя сию минуту, Робин. Не уверен, что выдержу, пока мы доберемся до моего номера! — дрожащим голосом сказал он.

Она видела его нетерпение, с ней происходило то же самое. Ей безумно, до боли, до страданья, хотелось сорвать с него одежду и отдаться ему — прямо здесь, прямо сейчас!

— Ты не понимаешь? Я тоже хочу тебя, Чезаре! — простонала она. На сей раз Робин была охвачена желанием, она была близка к безумию. — Я хочу трогать, гладить и ласкать тебя, как ты трогаешь, гладишь и ласкаешь меня. Я хочу всего этого, Чезаре! — яростно говорила она.

Он взял ее лицо в свои руки. Руки, нежные и чувственные, которые знали, как гладить ее, умевшие ласками доводить ее до наивысшего восторга и блаженства. Он испытующе вглядывался в ее лицо.

— Конечно, Робин, так и будет, — пробормотал он наконец и, взяв ее за руку, повел к лифту.

Пока они поднимались в лифте, Робин чувствовала, что их взаимное сексуальное влечение достигло невероятной силы и высоты. В этой тяге друг к другу, в этой неотложной нужде друг

в друге исчезли мучительные непонимания и несогласия, и даже жестокие обиды. Из-за этого же нетерпеливого желания им обоим показалось, что лифт поднимается бесконечно долго.

Они вошли в номер Чезаре, он закрыл дверь, а Робин сразу же включила свет.

— Я хочу видеть тебя, — хриповато ответила она на его удивленный взгляд. Дрожащими от нетерпенья руками она стащила с него пиджак, потом расстегнула рубашку и бросила ее на ковер рядом с пиджаком. — Вот весь ты, — добавила она напряженно, расстегивая молнию его брюк и стягивая их.

Робин впервые раздевала мужчину — никогда раньше ей не случалось и даже не приходило в голову делать это. Сейчас она приходила в восторг от новых подробностей. Длинные, стройные и мускулистые ноги Чезаре были покрыты такими же темными волосами, которые были — она их уже видела раньше — на его груди и уходили вниз, в плотно облегающие боксеры. Она сняла и их, обнажив своему восхищенному взгляду его мужское великолепие.

Опустившись перед ним на колени, Робин радостно ласкала Чезаре. Он не мог скрыть своих ощущений, своей реакции на ее ласки, с трудом дышал, моментами почти задохнулся, погрузив руки в ее волосы. Неожиданно он наклонился и поднял ее на ноги.

— Я хочу тебя, хочу быть с тобой, — простонал он.

От волнения он долго возился с молнией ее платья, смотрел темными глазами на ее обнаженную крепкую грудь. Трусики и ох-какие-тонкие чулки оставались ее единственной одеждой.

Опустив голову, Чезаре захватил губами сосок и втянул его в тепло своего рта, понимая по ее дрожи, что Робин в таком же возбуждении, как и он. И готова, давно готова принять его...

— Как ты прекрасна, Робин, — выдохнул он, подняв голову, чтобы полюбоваться ею. Его тело сотрясало от желания. Он покачал головой, снимая с нее розовое кружево белья: — Боюсь, я буду немного резок сегодня. Не сумею остаться нежным. Но в следующий раз все будет не так быстро, медленней и мягче, — обещал он, уже укладывая ее на кровать. — В следующий раз мы оба не станем торопиться.

Уже вместе с Робин, когда тела их слились в одно, Чезаре знал определенно, что никогда ни с одной женщиной не испытывал такого удовольствия, такого всепоглощающего восторга, и никогда, ни одну женщину не хотел так, как Робин.

Вместе, здесь, в постели, они являли собой воплощение совершенной гармонии, какая только возможна на этой земле. И возможна лишь в одном из миллиона случаев. Их удовольствие взрывалось калейдоскопом чувств и эмоций, удовольствие, которое казалось нескончаемым...

Оцепенение и чудесное удивление ощущала Робин с Чезаре. Такого не было в ее жизни, ничего близкого этим ощущениям она и вообразить не могла, в ее замужней жизни не было даже намека на такую бурю чувств, на этот восторг, который уносил ее в неведомые, непонятные, но бесконечно восхитительные дали! И захватывающее ощущение свободы, свободы, которая делает возможным все...

Непонятно, что все это значит...

Может, она более плотский человек, чем когда-либо могла подозревать?

Или все совершенно иначе, потому что у нее чувства к Чезаре?

Возможно, она влюбилась в него?..

Глава девятая

— Что такое? — приподняв голову, Чезаре взглянул на Робин. Он уловил какие-то внутренние изменения в ней, она была словно бы не с ним. — Скажи мне, что не так? — опершись на локоть, он приподнялся и скатился на бок, не отводя от ее лица вопрошающего взгляда.

— Не так? — невыразительно повторила она. — Что же может быть не так? — она задыхнулась. — Я просто... мы просто скинули одежды и взяли друг друга как два...

— Не надо, Робин, — его лицо помрачнело, когда он понял, куда их приведет этот разговор. — Мы хотели друг друга.

— Именно! — воскликнула она, садясь на край постели. — Хотели, как... Сама не знаю, как что! — простонала она, спрятав лицо в ладонях.

— Робин... — Чезаре, протянув руку, нежно погладил ее спину.

— Пожалуйста, не надо! — Она сжалась от его прикосновения. Робин встала с кровати и отошла, не осознавая, что она в чулках. — Мне надо идти. Я должна уйти! — в ее голосе появились истерические нотки.

Когда Робин стала натягивать на себя платье, Чезаре встал с кровати и подошел к ней.

— А мне надо, чтобы ты осталась, — хрипло выговорил он. — Мне необходимо, чтобы ты осталась, Робин... — мягко повторил он, — хотя бы для того, чтобы я мог показать тебе прямо сейчас, что есть много способов, которые помогут нам найти друг друга.

Я не должна смотреть на него, говорила себе Робин. Она не должна тонуть в этих угольно-черных глазах. Она не должна даже мельком бросать взгляд на его чувственный рот, который приносил ей столько удовольствий. И уж совсем нельзя тянуться к нему, подчиняясь неистовой силе их взаимного притяжения, для поцелуя, в жажде которого ее голод соответствовал его.

Потому что в этот момент она себя уже знала, даже слишком хорошо. Знала достаточно, чтобы понять — за несколько дней, прошедших с их первой встречи, она полюбила Чезаре.

Любовь сделала ее совершенно неспособной сказать ему «нет», когда он снова начал гладить изгибы ее тела, вновь пробуждая в ней острейшее желание. Но Чезаре не собирался сразу же удовлетворять это желание. Он уложил ее на кровать, и его губы медленно проделали тот же путь, что и руки. Осторожно и мягко он стянул с ее ног чулки и стал целовать ступни. Эта ласка была так удивительно эротична...

Потом он приподнял ее, чтобы поцеловать розовые бугорки на ее груди, и, прежде чем забрать сосок в рот, он потер один и другой языком, его шершавостью вызывая в ней абсолютно необычные чувства. Руки, а за ними губы и язык двинулись ниже, и очень долго и обстоятельно он ласкал пупок, что тоже было непривычно и удивительно сладко.

Тело Робин неуправляемо, независимо от ее воли, выгибалось и поднималось от потрясающего удовольствия, она стонала, стонала умоляюще, но Чезаре продолжал ласкать ее руками, губами, языком. Все ее тело наполнялось каким-то новым теплом.

— Я больше не могу, — с трудом выдыхала она, — правда, я не могуу...

— Можешь, ты можешь, — шептал он. — Я хочу доставить тебе все удовольствия, Робин, все возможные. Я хочу трогать тебя, пока не узнаю все твое тело, все!

Сначала на пике блаженства оказалась Робин. Чезаре сумел подождать, пока она придет в себя, и, когда она была готова присоединиться к нему, глядя ей в глаза, увлек ее с собой на вершину.

— Поспи, — сказал он через некоторое время, когда смог говорить. — Спи, Робин, а утром мы поговорим, — он обнял ее и прижал к себе.

Робин не имела понятия, сколько времени она проспала в объятиях Чезаре, ее голова покоилась на его плече. Но когда она проснулась, его рядом не было, в окно уже ярко светило солнце.

Она медленно потянулась, тело слегка болело — ощущение было очень приятным, это сила рук Чезаре, его губы. Одна мысль об интимности его прикосновений заставляла пылать ее щеки.

Щеки сразу побледнели, как только она вспомнила новое понимание своих чувств к Чезаре. Она любит его. Она любит человека, который принуждает ее выйти за него замуж. Она любит человека, которому вовсе и не надо было ни к чему принуждать ее, потому что он занимался любовью с ней невыразимо красиво.

Что ей делать?

Как она может выйти замуж за Чезаре, если она любит его, а его интересует только сексуальная сторона их отношений и необходимость отомстить ее семье?

Как же ей быть? Какой же у нее выбор? Все безнадежно, Чезаре не оставил ей выбора.

— О чем ты думаешь? — спросил Чезаре, выходя из ванной, совершенно спокойно и естественно относясь к своей наготы.

Что ж, он прав, ему можно быть обнаженным, признала Робин, глядя на него из-под полуопущенных ресниц. Великолепное мужское тело, такой красоты она никогда не видела!

Ей трудно было ответить на вопрос, о чем она думает. В этот момент она сама была шокирована игривостью своих мыслей.

Чезаре улегся на кровать, положив под одеялом руку на грудь Робин.

— Я думала о том, что мне пора, — солгала Робин.

— Но только после завтрака, да?

— Я не смогу есть, — она покачала головой.

— Еды в меню нет, — хрипло сказал он, проводя своим чувственным пальцем по ее губам.

У Робин перехватило дыхание. Ей хотелось облизать пересохшие губы, но при этом ее язык неизбежно коснулся бы его пальца, а это было бы уже совершенно интимно.

— Медовый месяц перед свадьбой не входил в мои намерения, — она старалась говорить легко, одновременно двигаясь к краю кровати.

Это оказалось ошибкой. Она, как и Чезаре, была без одежды, и чтобы уйти, ей следовало прежде одеться.

Чезаре, лежа на кровати, спокойно наблюдал, как Робин ходит по комнате, собирая свою разбросанную одежду.

Да, эта женщина — загадка. Женщина, которая скоро станет его женой. Прошлая ночь началась с того, что она билась в его руках как дикая кошка, за этим последовала длинная медленная волшебная любовная игра, а сейчас, утром, она, кажется, смущена силой своей страсти.

Неужели она говорит правду, неужели до него, Чезаре, у нее был только один любовник, ее первый муж?

В это просто трудно поверить. Робин удивительно хороша, потрясающе сексуальна, ни с кем, ни с одной женщиной мужчине не может быть так хорошо, как с ней.

Он улыбнулся, подумав, что впереди долгие годы вдвоем.

— Может, поделишься, объяснишь, что тут смешного? — Робин увидела его улыбку, неправильно истолковала ее и покраснела.

Она уже натянула на себя кремовое платье, а трусики и чулки держала в руках.

Чезаре покачал головой:

— Я улыбаюсь, потому что у меня хорошее настроение, потому что мне хорошо.

— Самодовольная улыбка удовлетворения, без сомнения!

— Почему ты непременно хочешь, чтобы мы ссорились каждый раз, когда мы близки к взаимопониманию? — Его благостное расположение духа улетучилось, он вскочил с кровати.

— К взаимопониманию? Да я никогда не сумею понять мужчину, если он позволяет себе применять силу против женщины! — гневно парировала она, сверкая глазами.

У него изменилось лицо, сжались губы.

— Я не использовал силу прошлой ночью, Робин, — твердо сказал он. — Если я ничего не путаю, именно ты принялась сдирать с меня одежду, как только мы вошли сюда!

— Я не это имею в виду! Ты силой принуждаешь женщину выйти за тебя замуж!

— Ты... — Стук в дверь прервал Чезаре. — Да? — откликнулся он.

— Вас просят к телефону, синьор Гамбрелли, — голос Катрионы, няни Марко, звучал неуверенно — возможно, потому, что она услышала женский голос в спальне своего хозяина. — Я бы не беспокоила вас, но звонит граф Гамбрелли.

— Граф Гамбрелли? — удивленно переспросила Робин.

— Мой кузен, — торопливо объяснил Чезаре. — Скажите ему, что я подойду через минуту, — крикнул он Катрионе и стал быстро одеваться.

— Граф Гамбрелли? — повторила Робин.

У нее сложилось впечатление, что Чезаре и Клара были последними членами семьи Гамбрелли.

— Я сицилиец только наполовину, по матери. Отец итальянец. Он не унаследовал графский титул и все остальное, потому что женился на женщине, которая не нравилась его семье, — объяснил Чезаре, продолжая одеваться. — Не уходи, пока я не вернусь, — уже в дверях добавил он.

— Возможно, это... титулованное родство и объясняет твоё высокомерие, — усмехнулась Робин, получив в ответ свирепый взгляд.

Оставшись одна, Робин перешла в ванную, неторопливо оделась и причесалась. Она увидела в зеркале собранную, строгую Робин Ингрэм, какой она и была всегда, пока в её жизнь не ворвался Чезаре. Услышав, как хлопнула дверь, она вернулась в спальню.

Чезаре хмурился:

— Мой кузен...

— Граф? — саркастически вставила Робин.

— Мой кузен, — повторил он, прищурившись, — остановился в этом отеле. Он спрашивает, не может ли он позавтракать со мной. — Это предложение явно не вязалось с его планами.

— И?

Раздражение Чезаре усилилось.

— Я не сумел придумать ни одной причины для отказа! — расстроено признался он.

— Не волнуйся. Я уйду до того, как он появится здесь, и спасу твою репутацию от неминуемого краха, — улыбнулась Робин.

Чезаре явно не желал её встречи с Вулфом. Да и ей самой не хотелось встречаться с этим кузеном, с этим графом.

Правда, она надеялась повидать Марко, но, похоже, не получится.

Чезаре иронически скривил рот:

— Боюсь, не получится. Я сказал Вулфу, что здесь моя невеста.

— Вулф... Откуда взялось... Твоя невеста? — Робин недоверчиво смотрела на мужчину.

— Но ты же являешься ею, не правда ли? — Чезаре явно был не в восторге от предстоящего визита.

Хотя кузены были почти одного возраста, они никогда не были близки. Фактически они встретились только два года назад на похоронах отца Вулфа и решили тогда, что семейные

размолвки их не касаются.

Кроме того, Вулф был одним из самых известных плейбоев Европы.

А Робин — одной из красивейших женщин...

Ревность не была свойственна Чезаре. Он никогда не интересовался подробно отношением к нему женщин, с которыми у него случались романы, никогда не ревновал их и не думал, верны ли они ему.

Но Робин... Это совершенно другое дело. Она скоро станет женой Чезаре. И Чезаре очень хорошо знал ох-какого-бесконечно-обаятельного Вулфа...

Который к тому же никогда не принуждал Робин выходить за него замуж!

— Невеста обычно носит кольцо, Чезаре, — сообщила Робин. — Нет, нет, я не хочу, чтобы ты дарил мне обручальное кольцо, — быстро спохватилась она, прежде чем он успел предложить это. — Наша... ммм... помолвка вовсе не требует подобных деталей.

— Тем не менее я собираюсь представить тебя Вулфу как свою невесту.

— Боюсь, он будет разочарован.

— Уверен, тебе очень понравится Вулф.

— Значит, я *должна* остаться и познакомиться с ним?

У Чезаре сузились глаза.

— Не испытывай мое терпение, Робин.

— О каком терпении ты говоришь? Ты даже не представляешь, что это такое, у тебя отсутствует это качество. Терпимость и понимание тоже. Ты считаешь себя совершенным и потому не прощаешь людям их ошибки!

Чезаре не сомневался — она имеет в виду своего брата, но он не собирался пока еще касаться скользких вопросов.

— Я вовсе не считаю себя совершенным, я очень далек от этого!

К счастью — или к несчастью, — раздался звонок, оповещавший о приходе Вулфа, и не успела ответить на последние слова Чезаре.

— Ты должна познакомиться с Вулфом, прежде чем уйдешь. Пойдем, я представлю вас друг другу.

Робин ждала в гостиной, а Чезаре встречал кузена. Весело переговариваясь, оба вошли в гостиную, и глаза Робин расширились от удивления, когда она увидела братьев вместе.

Это все равно, что смотреть на негатив и отпечатанную с него фотографию. Светлые, с медовым оттенком волосы Вулфа были такими же густыми, как иссиня-черные волосы Чезаре. Все остальное: глаза, черты лица, рост, телосложение, были удивительно схожи. Граф Вулф Гамбрелли оказался таким же обезоруживающе красивым, как и Чезаре!

— Мисс Ингрэм — можно звать вас Робин? — кажется, вы скоро станете моей кузиной? — граф говорил по-английски с легким, еле заметным акцентом. Глаза Вулфа светились одобрением, он с удовольствием расцеловал Робин в обе щеки.

Нахмурившись, Чезаре безотрывно наблюдал, как Робин смущенно отвечает на приветствие Вулфа.

— К сожалению, я не смогу позавтракать с вами, — сказала она, твердо решив немедленно уйти, ведь двое таких изумительно красивых Гамбрелли одновременно — это уж слишком!

— Как жаль, — мягко пробормотал Вулф, не отводя от нее восхищенного взгляда.

— Очень жаль, правда? — сказал Чезаре, решительно взяв Робин за руку с твердым намерением проводить ее к лифту. — Сейчас вернусь, Вулф, — бросил он через плечо.

— Не торопись, — добродушно разрешил кузен, удобно располагаясь в кресле. — Будь я помолвлен с Робин, я бы тоже постарался растянуть прощание, — с ленивым очарованием добавил он.

Ух.

Робин облегченно вздохнула, когда они с Чезаре вышли к лифту. Вулф Гамбрелли заслуживает своего имени — волк. Хищник. Гений обольщения.

— Ты мог бы брать у своего кузена уроки хороших манер, — насмешливо предложила она.

— У Вулфа есть любовница в Париже и еще одна в Милане, — возразил Чезаре.

Робин с интересом смотрела на Чезаре. Если бы она не знала его, она подумала бы, что ее внимание к очаровательному кузену вызывает у него ревность. Но она уже знала его...

Кроме того, Чезаре мог еще не понять — слава богу, пусть так и будет! — что она полюбила его, Чезаре. Всерьез. Глубоко. Безвозвратно.

— А третья может быть в Лондоне, — легко сказала она.

В ответ мужчина сильно сжал ее руку.

— Мне больно, Чезаре.

— Будет еще больней, если ты без моего ведома когда-нибудь окажешься вблизи моего кузена-шалопая! — сквозь зубы пригрозил он.

— Поверь мне, Чезаре, и одного Гамбрелли для меня *слишком* много!

Его глаза заблестели.

— Мне показалось, прошлой ночью ты не так думала, — тихонько напомнил он.

Робин почувствовала привычное тепло внутри.

— Как это типично для мужчин — говорить колкости о моменте физической слабости, — она постаралась увернуться от его рук, но это не удалось.

Чезаре прижал ее к себе.

— Я имел в виду... То, что произошло прошлой ночью, потрясло меня несколько не меньше, чем тебя, — голос его зазвучал ласково. — Это повторилось бы утром, если бы нас не прервали.

Конечно, Робин понимала — если бы не свалился им на голову кузен Чезаре, их утренний спор закончился бы в постели.

Она старалась избегать его взгляда.

— Тебе пора вернуться к кузену.

— Я вчера привез тебя, как ты поедешь обратно? — озабочено нахмурился Чезаре.

— Это же отель. Наверняка у входа масса такси.

— Когда ты спустишься, у входа будет стоять автомобиль отеля, он отвезет тебя.

Ну конечно. Раз она станет женой Чезаре, ей надо привыкать принимать как должное сверхроскошный стиль жизни Гамбрелли.

Возможно.

Она кивнула:

— Мне действительно пора.

— Только после того, как я поцелую тебя...

И вновь Робин потеряла ощущение реальности, куда-то исчезли все мысли, все чувства — кроме тех, которые вызывал в ней Чезаре.

Когда он оторвался от ее губ, она чувствовала себя абсолютно беспомощной.

— Я позвоню, и мы договоримся, как провести вместе вечер... и ночь.

— Мне бы хотелось, чтобы ты добавил: «Хорошо?», — прерывисто вздохнув, грустно выговорила Робин.

— Я очень постараюсь, чтобы понятие «понравилось» оказалось очень-очень слабым, просто невыразительным, — нежно прошептал он, за что был вознагражден румянцем смущения на ее щеках.

Чезаре проснулся очень рано в этот день, и несколько долгих минут смотрел на спящую Робин. Она была из тех женщин, которые выглядят одинаково красиво с косметикой и без нее — изумительный персиковый цвет лица, сочные розовые губы.

Потрясающе хороша...

— Я с нетерпением жду вечера, — он снова поцеловал ее — ему хотелось запомнить ее вкус, — До вечера... — Его голос обещал больше, много больше.

Чезаре смотрел, как Робин вошла в лифт, нажала кнопку, увидел, как закрылась дверь лифта. После этого он повернулся и пошел в гостиную, где его ждал кузен, чтобы вместе

позавтракать.

Глава десятая

— Я не очень понимаю, почему этот разговор не мог подождать до вечера? — спросила Робин стоящего перед ее столом Чезаре.

Высокий и мощный, он заполнял собой ее офис в «Ингрэм паблшинг». Она думала, хотя бы ее рабочее место застраховано от его вторжения, но он позвонил только затем, чтобы сказать, что немедленно приедет.

Теперь и это место будет заполнено воспоминаниями о нем!

В темно-коричневом деловом костюме и коричневом галстуке Чезаре выглядел собранно и отстраненно — совсем не похожим на обнаженного соблазнителя, каким он был сегодня утром.

И слава богу! Ее офис — последнее место, где она хотела бы испытывать желание от одного взгляда на него!

В течение последних двадцати четырех часов Робин почти забыла, что она выходит за него только по принуждению.

Их физическая близость вытеснила все остальные эмоции.

До такой степени, что она позволила себе влюбиться в него!

Но Чезаре не испытывал к ней ничего подобного, и никогда не будет. Очень глупо с ее стороны разрешать эмоциям руководить головой и сердцем.

Но сейчас Чезаре выглядел так важно и так отстраненно, что Робин могла не опасаться за свой рассудок.

— Вечером меня здесь не будет, — отрывисто бросил Чезаре, расхаживая по комнате, как тигр по клетке.

— Где же ты будешь? — Робин внимательно смотрела на него.

— Неважно, — сказал он. — Мне нужно уехать по делам. Немедленно, — добавил он, не приводя никаких аргументов.

— Разве ты не мог предупредить меня по телефону?

Чезаре растерянно смотрел на нее. В черном деловом костюме и кремовой блузке, со строгой прической, она была совершенно не похожа на теплую, бесконечно желанную женщину, которая спала с ним сегодня в одной постели.

— Я подумал, лучше мне приехать и объяснить все лично. Чтобы не возникло... непонимания между нами.

— Но, как обычно, ты ничего не объясняешь, только сообщая, — слегка покраснела Робин. — Твой внезапный отъезд не связан с утренним визитом кузена?

— Почему ты так решила? — настороженно спросил он.

— Ради бога, Чезаре, — отмахнулась от его подозрений Робин. — Мы расстались два часа назад, и уже после этого ты срочно собрался куда-то по делам. Естественно предположить, что Вулф... то есть граф Гамбрелли, — она решила не рисковать понапрасну, — имеет отношение к твоему решению.

Логично, возможно. Даже правильно.

Но Чезаре не готов был обсуждать свое решение с Робин.

Возможно, это сумасбродная затея...

Если так, у него найдется масса объяснений для Робин, когда он вернется...

— Я не надолго. Думаю, вернусь через сутки.

Сутки — очень много. Для Чезаре. Похоже, для Робин это не так, судя по ее замечанию, что он мог сказать ей об отъезде по телефону.

С другой стороны, почему она должна чувствовать то же, что и он? Прошлая ночь была волшебной, физически совершенной, такого Чезаре не доводилось испытывать ни разу, ни с одной женщиной. Но Робин? Может ли она забыть, что он принуждал ее выйти за него замуж?

— Понятно, — медленно произнесла Робин. — Хочешь, я заеду к тебе, посмотрю, как там Марко и Катриона? — беззаботно предложила она.

Беззаботно, ведь она опасалась показать Чезаре, как жаждет повидать малыша, поддержать его на руках, послушать его залиvistый смех, пощекотать дыханием его шейку...

Тем не менее глаза Чезаре расширились от удивления:

— Мне не хотелось бы беспокоить тебя...

— Никакого беспокойства. Кажется, я забыла в ванной серьги, заодно заберу их.

— Ты уверена?

— Почему нет? Мне по пути, — она стала подчеркнуто-деловито рыться в бумагах.

— Я предупрежу Катриону, — кивнул Чезаре.

— Если считаешь нужным. Я как-то не планировала же похищать Марко, — продолжала она.

— Мне пора, — сказал Чезаре, глядя на Робин темными загадочными глазами и не делая никаких попыток уйти.

— Да, — согласилась Робин.

— Мой самолет заправлен и ждет.

Его самолет? Ну да, конечно, у Чезаре свой собственный самолет. И пентхаусы во всех его отелях по всему миру. И, несомненно, автомобили ждут его в международных аэропортах всех мировых столиц. Возможно, дом в Сицилии, огромная, роскошная вилла, куда он вернется, когда пожелает.

— Я позвоню тебе, — пообещал он.

— Очень хорошо, — неопределенно улыбнулась Робин, не понимая, почему он не уходит.

Ей было грустно, что он уезжает, она уже ждала его возвращения.

Надо идти, понимал Чезаре. Но ему так не хотелось уходить, так не хотелось покинуть Робин, когда между ними начинает возникать взаимопонимание...

Нет!

Надо быть честным хотя бы с самим собой. После ночи любви с Робин, после того, как он всю ночь держал ее в своих объятиях, он не хотел — не мог — расстаться с ней даже на короткий срок.

— Поедем со мной, — импульсивно предложил он, но тут же спохватился.

Плохая идея. Присутствие Робин рядом с ним будет отвлекать его, а он должен непременно сделать то, что задумал.

— Вряд ли это правильно, — откликнулась Робин. — Нет, у меня много работы, — добавила она, увидев тень сомнения на его лице.

— В моей стране принято целовать невесту на прощанье.

— У нас сегодня уже был разговор о невесте! — улыбнулась Робин.

— И еще много раз будет, прежде чем мы поженимся! — Он обошел стол и поднял ее на ноги. — Ты будешь хоть немножко скучать по мне?

Немножко? Да он еще не уехал, а я уже скучаю!

— Возможно, — допустила Робин, ее сердце бешено колотилось, и знакомый жар уже охватил все тело.

Чезаре улыбнулся — он догадался о ее чувствах.

— А не сделать ли мне что-нибудь такое, о чем ты могла бы вспоминать? — предложил он, уже обнимая ее.

Робин горячо ответила на поцелуй, заранее боясь ощущения пустоты, грозящего заполнить ее, как только Чезаре уйдет.

— Робин, я... Ох, вам действительно надо пожениться как можно скорей! — Чарлз в оцепенении смотрел, как они отскакивают друг от друга. — Или хотя бы запирайте дверь. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, вы расстались всего два часа назад?

Робин была сильно смущена — за такой короткий срок отец дважды заставлял ее в объятиях Чезаре. Хотя это может убедить его в глубине их отношений...

— Прошу прощения, Чарлз, — Чезаре не снял руку с талии Робин, — я неожиданно узнал, что должен уехать, и зашел попрощаться с Робин.

— Тогда я загляну позже...

— Да нет, Чарлз, я уже ухожу. Я позвоню, Робин.

— Я буду дома поздно, зайду проведать Марко с Катрионой, — напомнила Робин.

Чезаре раскланялся и ушел. В комнате повисла напряженная тишина.

— Марко и Катриона? — повторил Чарлз.

— Шестимесячный племянник Чезаре и его няня.

— Тот самый наследник Чезаре, о котором ты говорила вчера? Он сын его погибшей сестры Карлы?

— Да, он. Пап, в чем дело? — Робин сжала руки в кулаки под столом — отец легко сложит два и два, ему ничего не стоит все понять... — Чезаре усыновил мальчика, когда погибла Карла. Он относится к Марко как к собственному ребенку.

— Потому ты согласилась выйти за него замуж?

Робин побледнела.

— О чем ты, пап?

— Никто лучше меня не понимает, как ты переживаешь из-за своей неспособности иметь детей. Но выходить замуж, потому что у мужчины уже есть ребенок, которого можно любить как собственного?! Родная, не надо!

— Папа, ты же дважды за два дня застал нас вместе. Как же ты можешь предполагать такое? — с облегчением воскликнула Робин.

Предположения отца не так страшны, как правда. И уж конечно, мысли о шантаже не приходили ему в голову. Это было бы ужасно, после всех ее усилий!

— Хмм... да, правда. Но как-то все случилось очень... неожиданно, и... странное совпадение, правда? — неуверенно добавил Чарлз.

Совпадение! Это больше чем совпадение, гораздо больше. Но ее отец должен верить, что она выходит замуж по любви, только по любви.

— Знаешь, пап, ты полюбишь Марко, как только увидишь его. Такое прелестное существо, — Робин мечтательно улыбнулась.

— Копия Гамбрелли, да?

— Да, действительно.

— Значит, это именно то, чего ты хочешь, родная?

— Да, именно то, чего я хочу, пап, — твердо сказала Робин.

— Если так, чудесно видеть тебя вновь счастливой, — выходя, сказал Чарлз.

Счастлива ли я?

Робин задумалась.

Она влюблена в человека, который ее не любит, но хочет на ней жениться. И она будет каждую ночь с ним, в его постели.

В их постели...

Но в этом браке Чезаре не удастся устроить все по-своему. Неважно, что он уверен в обратном...

Чезаре замер на пороге комнаты Марко, оцепенев от увиденного.

Настенный ночник слабо освещал комнату и пустую кроватку Марко, хотя было уже десять вечера. Марко спал на руках Робин. Она тоже спала, удобно устроившись в кресле.

Марко спал на руках Робин!

Это невероятно, неожиданно, невозможно, последнее, что Чезаре мог предположить, когда услышал по телефону от Чарлза, что Робин еще в отеле. Минут пять он неподвижно стоял в дверях и созерцал эту странную картину.

Ведь Робин не любила детей, не хотела их в первом браке — так сказал ее бывший муж. И вот она здесь, так нежно обнимает Марко!

Чезаре быстро закончил дела в Ницце и решил тем же вечером вернуться в Лондон.

Узнав, что Робин все еще в «Гамбрелли», он подумал, что она не может так долго быть с Марко и Катрионой, скорее она встретила Вулфа, и они вместе ужинают.

Она пробыла здесь несколько часов... а он так плохо думал о ней.

Чезаре повернулся, чтобы уйти и в тишине постараться понять этот феномен: Робин... Марко...

— Чезаре?

Они смотрели друг на друга, в глазах обоих были вопросы, вопросы и вопросы...

— Я положу Марко в кроватку и пойду с тобой, — нарушила тишину Робин. — Я полагаю...

— Поговорим в гостиной, — Чезаре пропустил ее вперед.

— Бренди? — предложил он уже в гостиной, прикрыв дверь.

— Да, спасибо, — Робин смущенно пригладила руками юбку, которая помялась, когда она играла с Марко на полу.

Она провела замечательный вечер с малышом. Она играла с ним, кормила, купала его перед сном, держала на руках, пока он не заснул у нее на плече. Она чувствовала себя такой удовлетворенной и спокойной, что, возможно, задремала ненадолго. Уронить мальчика она не могла: она ощущала его все время. Чезаре так и застал ее.

— Ты закончил дела раньше? — ей не хотелось переходить к разговору о Марко.

Чезаре сделал большой глоток бренди, прежде чем ответить:

— Да, я закончил дела в Ницце раньше, чем предполагал.

Он летал на юг Франции? В Ниццу? Что же там могло быть такого срочного?

— Что...

— Почему...

Они одновременно заговорили и одновременно замолчали.

— Ты первый, — сказала Робин, тоже глотнув бренди.

Похоже, мне это необходимо.

Несколько долгих минут Чезаре молчал, по-прежнему пытаюсь разгадать загадку.

Робин... Марко...

Он считал, что быть матерью Марко — наказание для Робин, не любившей детей. Он придумал это во исполнение кровной мести ее семье. Она не возражала ему, позволяла думать, что детей она не любит. Не отрицала, когда он говорил, что бывший муж ушел из-за ее эгоизма.

Она боялась прикоснуться к Марко, когда он впервые показал ей ребенка.

Как это можно сочетать с той картиной безграничной нежности, которую он наблюдал сегодня?

Непонятно.

Но теперь это не важно.

Робин не захочет ничего объяснять ему, когда он расскажет ей то, что узнал сегодня в Ницце!

Вряд ли она вообще захочет когда-либо видеть его...

Глава одиннадцатая

— Итак... Почему тебе нужно было так срочно лететь в Ниццу? — усевшись в кресло, Робин первая задала вопрос.

— Сначала ты скажи, что делала в детской? — мягко спросил Чезаре.

Робин оглядывалась, будто в поисках ответа. Ей не хотелось говорить, что она полюбила Марко. Она постаралась ответить нейтрально.

— Катрионе нужно было сделать несколько звонков, я предложила помочь ей. Это оказалось трудней, чем я думала. Но я привыкну.

Чезаре слушал ее с непроницаемым лицом.

— Но ведь это неправда, да? — наконец так же мягко сказал он.

Робин сжалась:

— Не знаю, о чем ты. Надеюсь, ты не думаешь, что я сделала нечто плохое.

— Нет, конечно, не думаю. Ты преданная сестра. Заботливая, любящая дочь. Щедрая, великодушная любовница. Не думаю, что ты можешь намеренно причинить вред.

— Полагаю, нет, — сухо сказала Робин, предварительно отхлебнув бренди.

Ей необходимо было это тепло внутри, ее начинало трясти — она не понимала, к чему он ведет.

— Скажи правду, почему ты вызвалась уложить Марко?

— Я уже говорила, — она старалась не выдать себя, пришлось незаметно смахнуть наворачивающуюся слезу.

— Скажи мне, почему тебя оставил муж? — продолжал Чезаре.

— Ты же знаешь.

— Я не верю. Я знаю только то, что твой муж решил поведать мне. Я хочу правду, Робин.

Значит, Джил сказал Чезаре, что она не хотела детей? Как же он мог так? Он же знал, как отчаянно она мечтала о ребенке, как делала для этого все. После всех исследований и тестов, которые только испортили их брак, не дав никакого ответа. Ну как же так?

Неконтролируемые слезы потекли по ее щекам.

— Не проще ли было сразу спросить меня об этом?

— Да, но... Я сейчас спрашиваю тебя, Робин. Пожалуйста.

Робин не понимала его настроения.

— Что случилось в Ницце, Чезаре? — устало спросила она.

Ницца. Там ужинала с друзьями Карла, сестра Чезаре, накануне своей гибели...

Робин не могла понять...

Чезаре стиснул зубы, чтобы преодолеть желание сжать ее в объятьях, целовать и целовать, чтобы прогнать весь этот кошмар.

Но он теперь знал правду, правду, которую нельзя игнорировать.

Хотя эта правда может забрать у него Робин.

Прежде он не помышлял о браке. Женитьба на Робин предполагалась как орудие кровной мести. Но сейчас не за что мстить. А значит, он не может заставлять Робин выйти за него замуж.

Робин сегодня уйдет из его жизни и не оглянется!

От этой мысли стынет его сердце, сердце, которое он считал непроницаемым...

— Я хочу поговорить о тебе, Робин. Пожалуйста, скажи мне правду. Ты избегала беременности, от этого распался твой брак?

— Нет, — уныло сказала Робин.

Чезаре тяжело вздохнул:

— Тогда почему?

— Потому что я не сумела родить ребенка, чтобы продолжить славный род Бенетов. Я не смогла родить ему ребенка, Чезаре! Вот! Теперь ты доволен? У меня нет своих детей, хотя я старалась месяцы, годы. Я не хотела говорить тебе, не хотела, чтобы ты знал!

Господи, так Робин не может иметь детей? Это стройное, изящное, совершенное тело, созданное чтобы приносить и получать радость и удовольствие, не может выносить ребенка человека, которого она любит? И по этой причине Бенет развелся с ней?

Чезаре хотелось что-то сделать, наказать кого-нибудь за невыносимые страдания Робин, за то, что ее эгоистичный муж от нее отвернулся.

Но как можно думать так о другом человеке? Именно он, Чезаре, заставлял ее сделать то, чего хотел сам, никак не она: выйти за него замуж и носить и рожать его детей!

Чем же он лучше этого негодяя Джила Бенета?..

Как же Робин должна ненавидеть его... Как она должна ненавидеть их обоих!

— Прости меня, Робин... — начал он.

Ее глаза гневно сверкнули.

— Придержи свою жалость, Чезаре! — воскликнула она, надевая жакет. — Мне пора идти. Договорим завтра.

— Сядь, Робин, пожалуйста, — попросил он.

Робин не хотела садиться, она хотела скорее уйти и в одиночестве зализывать раны.

— Пожалуйста, сядь. Мне нужно объяснить тебе, зачем я ездил в Ниццу. Мне нужно сказать тебе правду.

Она тяжело вздохнула. Очень хотелось уйти, но поскольку речь шла о Ницце... ради отца она должна все выслушать.

— Сначала ответь мне на один вопрос, Чезаре. Когда ты расскажешь мне то, что ты узнал в Ницце, ты будешь требовать, чтобы я вышла за тебя замуж? — она с трудом сдерживала слезы.

Чезаре перевел дыхание и мрачно сказал:

— Нет. Я больше ничего не буду от тебя требовать, Робин.

Да, к такому повороту событий она оказалась не готова. Сильно побледнев, Робин попятилась и села в кресло, с недоверием глядя на него.

Рот Чезаре покривился.

— Я чувствовал бы себя... лучше, если бы ты не восприняла с таким облегчением слова о том, что можешь не выходить за меня замуж!

Облегчение! Робин чувствовала себя так, будто под ее ногами исчез пол. Выпустили воздух из легких. У нее отняли весь мир, мир ее будущего с Чезаре и Марко.

Губы онемели, так пересохло во рту, что она слова не смогла бы выговорить, если бы захотела.

Она не станет женой Чезаре.

И матерью Марко.

В ее жизни не будет этих двух людей, которых она любила больше всех на свете...

У Робин болело сердце. Внутри она ощущала пустоту. Как будто одним ударом из нее вышибли все эмоции.

— Я вижу, новость так тебя обрадовала, что тебе говорить не хочется! — Чезаре подлил себе бренди, на сей раз двойную порцию, понимая — ему нужно подкрепление.

Сегодня — попозже — он, конечно, напьется!

Как же он ошибался насчет Робин. Принимал ее трагедию за эгоизм, а трагедия была ужасной, усиленной предательством ее мужа, да и его поведением тоже! Его глупостью, его самоуверенной тупостью! Ничего удивительного, что она прослыла неприступной Робин Ингрэм. Эта была ее защита от очередного разочарования, от очередного предательства, а вовсе не пренебрежением всеми отношениями, как думал раньше Чезаре.

Фактически он полагал, что знает очень многое о Робин. Что имеет на нее какие-то права...

И соблазнил ее стать его любовницей...

Сознание этой вины будет мучить его всю оставшуюся жизнь.

А воспоминание о Робин в его объятиях останется с ним всегда до конца дней и ночей.

Но пора взять себя в руки, нужно закончить разговор. Ведь Робин, наверное, хочет убежать отсюда подальше и как можно скорее.

— Ты помнишь, утром я завтракал с Вулфом...

Боже, неужели только сегодня утром? Они с Робин этим утром лежали в постели после ночи страстной любви. Все повторилось бы, но Катриона сообщила о телефонном звонке, с которого начался весь этот кошмар.

Кажется, все было так давно, очень, очень давно...

— Конечно, — невыразительно ответила Робин, бледная и неподвижная.

Чезаре кивнул. Ему было больно смотреть на Робин. Что же он сделал с ней!.. И это еще не конец...

— Я не видел Вулфа с... с похорон Карлы. Я тебе уже говорил, мы редко встречаемся, раз в несколько лет. Мы оба деловые люди, нет времени. А как семья не часто собираемся, понимаешь?

— Свадьбы и похороны? — спросила Робин.

— Ну да, — согласился Чезаре, вспоминая, что в черный день похорон Карлы он не говорил ни с кем.

Опустошенный гибелью сестры, он не был способен на пустую светскую болтовню.

Если бы он поговорил тогда с Вулфом, много ужасного могло бы не произойти. Не было бы вендетты против семьи Ингрэм. Он не шантажировал бы Робин, не принуждал бы ее выходить за него замуж. Они могли бы просто познакомиться, хотя бы на том же благотворительном обеде... Все могло сложиться так чудесно...

Но зачем сожалеть о невозможном! Слишком поздно что-то делать, нужно только сказать Робин правду и отпустить ее...

Робин хотелось, чтобы Чезаре наконец сказал то, что собирался, и она могла бы уйти. Пока она еще в состоянии.

— Сегодня мы с Вулфом встретились первый раз после похорон Карлы, — повторил Чезаре, — и, естественно, говорили о ней. Он выражал свои соболезнования, и... Он сказал мне, что видел Карлу вечером накануне ее смерти.

— Ты мне говорил, накануне она обедала с друзьями в Ницце... — нахмурилась Робин.

— В том-то и дело, Робин, — с трудом продолжал Чезаре, — Вулф сказал мне, что, когда он видел ее, Карла обедала с одним человеком. С мужчиной. Как я теперь знаю, это был Пьер Дюпон! — его глаза опасно сверкнули.

Робин прищурилась, вспоминая:

— Но мне кажется, ты говорил, что она обедала с Пьером Дюпоном и его женой Чериз в тот свой последний вечер...

— Они лгали! Лгали оба. Жена лгала, чтобы защитить мужа! — Чезаре принялся ходить по комнате. — На протяжении всей беременности Карлы я просил ее назвать имя отца ребенка, но она скрывала своего любовника, говорила мне, мол, скоро я все узнаю, а когда родится ребенок, все наладится, все будет хорошо. Я понимаю — Карлу поддерживала вера, что, когда появится ребенок, ее любовник оставит свою жену и уйдет к ней.

Сердце Робин заболело. Ей стало ужасно жаль юную, без ума влюбленную Карлу. Больно за ее мечты — она лелеяла их, верила в них, и они в конце концов убили ее...

Чезаре сморщился, как от невыносимой физической боли:

— В вечер перед трагедией Карла и Дюпон вместе обедали, потом пошли в ее номер в отеле. И Дюпон сказал ей, что он никогда не собирался уходить от жены, что он не хочет больше видеть Карлу и тем более своего сына! Невозможно поверить, — покачав головой, он с трудом перевел дыхание.

— О боже... — простонала Робин.

Она была не готова узнать о таком бессердечии и чёрствости Пьера Дюпона.

— Карла чувствовала себя опустошенной. Она обезумела от горя, — глаза Чезаре горели гневом, он переживал перенесенное его сестрой горе и унижение. — Но ничто не могло изменить решение Дюпона вернуться к жене и порвать навсегда с Карлой. Робин, я теперь знаю, как я ошибался, как страшно ошибался, когда говорил тебе, что Карла возвращалась в великолепном настроении, была весела и счастлива утром того страшного дня. Она была в таком же отчаянии, как и твой брат Симон, а возможно, и в большем...

Да, можно понять...

— Не исключено, что именно она была виновницей несчастья, — добавил Чезаре.

— Мы никогда не узнаем, — голова Робин поникла.

— Нет. Но ты понимаешь, как это все меняет?

Она понимала...

— Что ты сделал с Пьером Дюпоном? — вдруг спросила она, вспомнив его страшное, неодолимое желание отомстить за смерть сестры.

— Ничего, — высокомерно ответил мужчина.

— Пока?

— Да. Но не волнуйся об этом, Робин.

— Я была объектом твоей мести, Чезаре, я *не могу* волноваться, — горячо уверила она.

Его губы презрительно скривились.

— Такой человек, как Пьер Дюпон, Робин, не стоит твоей жалости и внимания.

Чезаре, видимо, просто не понимает. Не понимает, что она переживает не из-за Пьера Дюпона. Только из-за него, Чезаре. Из-за того, во что превращает его эта вендетта. Неужели он так и не понял — никакие его слова и действия не вернут Карлу?

— Ну а ты, Чезаре? Ты заслуживаешь моего внимания и моей жалости?

— Нет, — прохрипел он. — Я заслуживаю только презрения и ненависти за все, что я тебе сделал. Просить прощения за все зло, которое я причинил тебе и твоей семье, — ничтожно мало.

— Все же можешь попросить, Чезаре, — мягко сказала Робин.

Чезаре на мгновение прикрыл глаза.

— Я был бы счастлив получить твое прощение, Робин. Но... мне нечем исправить то зло, которое я причинил твоей семье, все плохое, что я сделал тебе. Я не знаю, как искупить...

— Ты прощен, Чезаре. Абсолютно. Полностью.

Как, ну ради бога, как можно не простить, когда так сильно любишь? Как можно просто встать и уйти, когда так сильно любишь? И Марко... Он покачал головой:

— Это не может быть так легко, Робин.

— Но это так, — уверяла она. — Почему бы и тебе не попытаться сделать то же самое? Тебе будет лучше, окружающим будет лучше, если ты научишься прощать.

— Дюпон бросил Карлу, когда она больше всего нуждалась в нем. И при поддержке жены отказался и от Карлы, и от рожденного сына, а потом лгал!

Робин явно сочувствовала Чезаре.

— Я понимаю, но месть разрушительное чувство. Оно разрушает тебя больше, чем кого-либо еще.

— Таким ты видишь меня? Только человеком мести, и никем больше?

— Ну что ты, — она покачала головой, но не стала объяснять, каким именно она в действительности видит его. *Слишком поздно.* — Смотри, Чезаре. У тебя есть Марко. Ты увидишь, как он будет превращаться в прекрасного юношу, а Пьер Дюпон никогда не узнает его, а возможно, даже не увидит своего сына, которого он отверг еще до рожденья. Что, как ни счастье Марко, должно быть по-настоящему важно для тебя?

— Ты думаешь о нем? — удивленно спросил Чезаре.

— Да, — просто признала она.

Ведь у нее не будет своего сына, горько подумал Чезаре. Все мысли о Робин вызывали в нем боль и стыд за то, что он делал по отношению к ней.

— Марко может стать твоим сыном, Робин, если ты выйдешь за меня замуж, — предложил он.

— Я говорила, мне не нужна твоя жалость, — грустно улыбнулась Робин.

Да не жалость! Он безумно хотел жениться на ней, хотел защищать ее, чтобы никто не мог ранить ее, причинить боль.

Но у него не было права даже просить об этом после всего, что он говорил и делал...

— Мы могли бы начать все сначала, встречаться, проводить вместе время, ходить куда-нибудь. Ты можешь приходить к Марко, — робко сказал он.

— Нет, — твердо сказала Робин.

Она не примет его жалость, любовь — да, но жалость — ни за что! А он не любит и не полюбит ее, сколько бы времени они ни проводили вместе.

— Но...

— Нет, Чезаре! Мы не знаем, что случилось в Монако шесть месяцев назад. И никогда не узнаем. Мы только знаем, что оба потеряли там своих близких. Вот и все. Давай оставим все как есть, хорошо?

— Если ты этого хочешь, — не сразу согласился он.

То, чего я действительно хочу, мне не получить!

— Да, — коротко ответила Робин, желая как можно скорей закончить разговор. — Прежде чем я уйду, я должна узнать, что ты намерен делать с твоей долей акций в «Ингрэм паблишинг»?

— Они твои. Ты...

— Не смей говорить, что я заработала их, не смей! — *Неужели он намекает на ночь любви?!*

— Я и не собирался, — мрачно нахмурился он.

— Нет?

— Робин, я говорил и делал много ужасных вещей, за которые мне сейчас безумно стыдно. Но я никогда бы не оскорбил тебя так. Эта ночь была... Я никогда не забуду тебя, Робин.

Она тоже никогда не забудет его. Как можно забыть, ведь она так любит его...

— Я хотел сказать тебе, что доля акций в «Ингрэм паблишинг» твоя, распоряжайся ими по своему усмотрению. Завтра утром посыльный доставит их тебе.

Это означает, что наши отношения закончены.

Кажется, она не жаждет оттянуть развязку.

И как не понять ее? Если бы она обращалась с ним так, как он с ней... Будь он на ее месте, он постарался бы поскорей разорвать все контакты!

— Ты веришь, что я сделаю это?

— Конечно, Чезаре. Не знаю обо всем остальном, но ты — человек слова, — легко сказала она.

Не знаю обо всем остальном, мысленно повторил он.

— Желаю тебе счастья, Робин, — искренне сказал он.

— Тебе того же, Чезаре, — она повернулась и вышла.

Наверное, это было самое трудное в его жизни — стоять и просто смотреть, как она уходит...

Глава двенадцатая

— Искренне надеюсь, вы хорошо понимаете, что затеяли, — улыбаясь, сказал мужчина, стоявший рядом с Робин, одновременно раскланиваясь с другими гостями благотворительного бала.

— Абсолютно... нет! — ответила она с веселой улыбкой.

Зал наполнялся ослепительно красивыми, элегантно одетыми людьми.

— Так я и думал, — с сожалением пробормотал граф Вулф Гамбрелли, один из этих ослепительно красивых и элегантно одетых, в черном вечернем костюме, белоснежной рубашке и красном галстуке-бабочке. — Вы понимаете, что ответственность падет на вас, если

мой дорогой кузен вызовет меня на дуэль?

— Сомнительно, — ответила Робин.

Ее внимание было приковано к огромным двойным дверям, в которые входили прибывающие гости. Она не хотела пропустить, когда появится Чезаре.

Уже три месяца Робин не видела Чезаре. Три долгих месяца, три одиноких месяца без него. Но сегодня, на благотворительном балу, в организации которого она участвовала и который — что знаменательно — проводился в отеле «Гамбрелли», она надеялась наконец увидеть его. Он не отказался от приглашения. Но на прошлом благотворительном балу, который она тоже помогала организовывать, он ушел до того, как все приступили к еде.

Может и вовсе не прийти!

— Вы могли бы проявить больше интереса к моей безопасности, Робин, — шутливо упрекнул Вулф. — Мы планируем нечто вроде травли медведя, а нам ли не знать, что может случиться, если рассердить медведя.

— Он рвет противника на куски.

Неделю назад Робин попросила Вулфа Гамбрелли сопровождать ее на этом благотворительном вечере. За прошедшую неделю она неплохо узнала его.

Ей не хотелось привлекать отца к своим планам снова встретиться с Чезаре. Чарлз продолжал относиться к Чезаре с подозрением и не мог понять, почему так неожиданно, так вдруг они разорвали свою помолвку.

Для него это было странно, поскольку он видел несколько раз, как они с Робин не могли оторваться друг от друга.

У Вулфа не было иллюзий относительно своего кузена, он с удовольствием согласился стать ее спутником на этом вечере. Очевидно, ему нравилась возможность немного подразнить Чезаре.

— Совершенно точно, — Вулф театрально вздохнул. — Вероятно, мне потребуется исчезнуть с этого вечера. Надеюсь, вы организовали мое исчезновение. Я бы и не помогал вам сегодня, но я устал от несчастного вида моего кузена, который мечется по всей Европе.

— Перестаньте дурачить меня, Вулф, — усмехнулась Робин, зная, что за ленивым юмором Вулфа кроется острый и решительный ум, как и у его кузена. — Я знаю, с каким нетерпением вы ждете схватки между Чезаре и мной.

Робин прикусила губу, потому что совсем не была так уверена, как хотелось бы. Она не представляла себе, как поведет себя Чезаре, увидев ее, да еще и рядом с Вулфом. Но это был единственный способ привлечь его внимание. А ей было необходимо повидать его.

Кончится это хорошо или плохо.

— Синьор Чезаре Гамбрелли, — объявили у двери, и пальцы Робин сжали руку Вулфа.

— Конечно, он здесь. Что ж, не избежать дуэли на пистолетах.

— Ну почему, можно и на шпагах, — пробормотала Робин, отыскивая глазами в толпе человека, которого не видела три месяца.

— Как приятно, — печально сказал Вулф.

Совсем ничего приятного, подумала Робин. Ее напряжение усилилось, и теперь ее била дрожь. Вдруг Чезаре, увидев ее, не подойдет к ней? Вдруг, увидев ее с Вулфом, он решит говорить только со своим кузеном? Что, если...

— Робин!

Ее ногти вонзились в руку Вулфа — она искала его глазами по всей комнате, а он подошел с другой стороны и оказался рядом.

Как же она хороша, думал Чезаре, когда Робин повернулась к нему. Она была еще более красива, чем три месяца назад, если такое возможно. Но нет, скорее невозможно, потому что и тогда он знал, она — самое прекрасное создание на свете, никого прекрасней ему не доводилось знать.

Но сейчас она просто излучала красоту — казалась наполненной внутренним сиянием, которое блестело в ее глазах, от которого розовело лицо, переливались шелком волосы, свободно рассыпанные по плечам. Золотое платье не подчеркивало, а скорее намекало на прелестные линии тела под ним. И она была счастлива, грустно понял Чезаре, счастливее, чем он когда-либо видел ее.

— Вулф, — приветствовал Чезаре кузена.

— Чезаре, — улыбнулся тот. — Вот и все, дуэли не будет, — шепнул он Робин, переложив ее руку на руку Чезаре. — Кажется, я вполне заслужил место шафера на свадьбе, — добавил он, уходя.

Чезаре не обратил внимания на шутку кузена, он был доволен, что рука Робин осталась там, куда положил ее Вулф.

А еще он вдыхал тонкий запах ее изысканных духов, чувствовал ее тепло и хотел, чтобы она оставалась с ним рядом как можно дольше...

— Может быть, потанцуем?

— Но танцы только после ужина, — улыбнулась Робин.

— Знаю. Однако место есть, музыка играет, — он показал на музыкантов, — я так хотел бы потанцевать с тобой, Робин.

Все примут нас за сумасшедших, подумала Робин.

Ну и что?

Гости расступились и с удивлением смотрели, как они танцуют.

Она бы весь вечер провела так в его объятиях под звуки музыки, но ей непременно нужно поговорить с ним.

— Хочешь узнать, почему здесь Вулф?

— Нет. Я решил прекратить строить догадки.

— Да?

— Помнишь, чем закончилась моя последняя попытка?

— Ты чуть не женился на мне, — кивнула Робин.

Чуть. Почти. И это чудо, которое сейчас находится в его руках, стало бы его женой. Правда, по совсем неправильным причинам. И теперь она ненавидит его.

— Как твой отец?

— О, папа очень хорошо, спасибо. А Марко?

— Отлично. Я почти все свободное время провожу с ним. А ты работаешь в «Ингрэм паблшинг»?

— Пока да, — ответила она, стараясь избегать его взгляда.

— Пока? — *Робин не собиралась оставлять работу в фирме отца и после замужества. Что же изменило ее намерения? Или... кто?*

Переполненная людьми комната — не лучшее место для того, чтобы сообщить Чезаре новость, подумала Робин.

Но вдруг мне не представится другой возможности?..

— Я проработаю еще около четырех месяцев. Потом уйду в отпуск по беременности.

Робин наблюдала за реакцией Чезаре — сначала удивление сродни испугу от невозможного, потом шок, потом масса других эмоций, которые сменяли друг друга в его глазах.

— Робин... — сумел выговорить он, — Я думал, ты не можешь...

— И я так думала, но ошиблась, — счастливо улыбнулась она.

— Робин, ты говоришь... Ты... Это...

— Да. И еще раз да. Это так. Через шесть месяцев у меня родится *наш* ребенок. Представляешь, после всех моих проблем, исследований и тестов я прошла отметку двенадцати недель. Что ты делаешь, Чезаре? — засмеялась она, когда тот твердо взял ее за руку и повел через толпу к своему персональному лифту.

Толпа расступалась и внимательно смотрела на них. Спектакль закончился, когда закрывшиеся дверцы лифта оставили их наедине друг с другом.

— Не знаю, что сказать, — тихо выговорил он.

Робин чувствовала, как ее улыбка тускнеет. Но она не сошла с ее лица. Ведь, что бы он ни сказал, она носит его ребенка.

Это чудо, о котором и мечтать было невозможно! Она щипала себя каждое утро, чтобы убедиться, что это не сон. Не сон. Врач подтвердил, что не сон. Тот самый врач, который консультировал ее раньше, при Джиле.

Но одна волшебная ночь с Чезаре изменила все. И она носит ребенка Чезаре! Поэтому ей и надо было поговорить с ним. Сказать ему, что он станет отцом.

— Ты и не должен ничего говорить. Просто я считала, ты имеешь право знать, и все.

— Все?! Робин, ты... — Двери лифта открылись, и Чезаре замолчал.

— А Марко здесь? Можно повидать его?

— Конечно, думаю, он еще не в постели.

Робин заторопилась в детскую. Ей не терпелось повидать пленившего ее ребенка. К тому же ей хотелось отложить разговор с Чезаре — неизвестно, что он чувствует в связи с ее беременностью. Ведь он не пытался увидеть ее все эти долгие три месяца.

Возможно, это ничего для него не значит...

Робин уселась на пол с Марко, забыв про свое роскошное платье, забыв про все — она погрузилась в игры с малышом, держала его на руках, смеялась и наслаждалась его заливистым смехом...

А Чезаре? Чезаре старался осознать новую реальность.

Робин счастлива, потому что ждет ребенка.

Его ребенка!

Три месяца без Робин стали для него адом. Настоящим адом. И сейчас он с трудом мог поверить, что она здесь, с ним. Да еще носит их ребенка.

Ребенка, которого они вместе создали в ту незабываемую ночь.

— Не хмурься, Чезаре. Я ничего не жду от тебя. Я только думала, ты должен знать о своем ребенке.

Ничего не жду!..

— Робин, — Чезаре уселся рядом с ней на пол и усадил Марко между ними, — я... переполнен твоей новостью...

— Конечно. Со мной было то же сначала. А теперь я... просто счастлива, — засмеялась она.

Чезаре взял ее лицо в свои руки и смотрел ей в глаза, в глаза, которые все эти ужасные месяцы преследовали его во сне и наяву.

— Ты очень красива, Робин, очень, очень, очень красива. Я не могу сказать, как... как я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя, что это не выразить словами!

Робин недоверчиво смотрела на него, боясь шелохнуться.

— Ты... ты любишь меня? Из-за ребенка?

— Нет. Я любил тебя три месяца назад, когда и речи не было о ребенке! Я не мог не отпустить тебя тогда — я слишком обидел тебя... Робин, я люблю тебя больше жизни. Эти три месяца

были для меня пыткой, я так тосковал...

— Любил... три месяца назад?

— Я причинил тебе столько боли своей вендеттой, я так ужасно оскорбил тебя... Не решался даже попросить, чтобы ты дала мне еще шанс. Позволил тебе уйти, потому что любил, потому что не заслуживал тебя. А сейчас я прошу: дай мне еще шанс доказать, как я люблю тебя, как дорожу тобой, как я хочу, чтобы мы поженились и были вместе навсегда...

— Но... но... я не могу... — Робин не смела поверить, что Чезаре любил ее все эти месяцы...

— Ты не можешь простить меня, я понимаю, — горестно сказал Чезаре, поднялся и вышел.

Робин уложила Марко и поспешила за Чезаре. Они и так потеряли столько времени!

— Что... Что ты делаешь, Робин? — спросил Чезаре, когда Робин бросилась в его объятия.

— Я люблю тебя, люблю, люблю, люблю! — покрывая его лицо поцелуями, твердила она. — Я боялась твоей жалости, не знала о твоей любви!

— Я жалел только себя — тупой, бессмысленный, заносчивый...

— Эй, выбирай выражения, когда говоришь о человеке, которого я люблю!

— Ты была права! Пьер Дюпон достаточно наказан — у него нет Марко.

— Я рада, что ты не будешь мстить ему, Чезаре!

— Робин, а нам можно заниматься любовью? Тебе не вредно? Или ребенку? Если вредно, я просто крепко обниму тебя и больше никогда никуда не отпущу.

— Не вредно, Чезаре.

Эпилог

— Марко будет вне себя от радости — еще одна сестренка! — говорил Чезаре, целуя пальцы Робин.

Он крепко держал ее руку, пока она рожала их третью дочь. Это произошло только несколько минут назад. Усталая Робин приходила в себя, радуясь тому, что скоро она возьмет в руки их новое сладкое создание.

— Три дочери за четыре года, — счастливо смеялась Робин. — Марко счастлив, но что же ты будешь делать, когда наши дочери вырастут и у них появятся поклонники? — поддразнила она мужа, зная, как он ревностно любит своих детей: Марко, Карлу, Симону и новорожденную — замечательную Анну.

— Вулф предложил купить пистолет и по вечерам постреливать в воздух. Лично я подумываю о заборе с колючей проволокой под напряжением, — серьезно рассуждал Чезаре.

— Вы с Марко да еще дедушка справитесь без всякого забора!

— Как я люблю тебя, Робин. Годы, проведенные с тобой, — счастливейшие в моей жизни. Ты и есть моя жизнь.

— А ты — моя, Чезаре.

И оба они знали, что их любовь будет длиться вечно.

mir-knigi.org